

Серия:
«РУССКИЙ ТАРИФ»

Вышли в свет:

- Выпуск 1. *Лодыженский К. Н.*
История русского таможенного тарифа
- Выпуск 2. *Самнер У.*
Протекционизм, или Теория происхождения богатства от непроизводительного труда
- Выпуск 3. *Струве П. Б.*
Торговая политика России
- Выпуск 4. *Витчевский В.*
Торговая, таможенная и промышленная политика России со времен Петра Великого и до наших дней
- Выпуск 5. *Кулишер И. М.*
История русской торговли и промышленности
- Выпуск 6. *Новиков Я. А.*
Протекционизм
- Выпуск 7. *Лист Ф.*
Национальная система политической экономии
- Выпуск 8. *Кулишер И. М.*
Основные вопросы международной торговой политики
- Выпуск 13. *Онкен А.*
Невмешательство и свобода торговли: история максимы *Laissez faire et laissez passer*

Готовятся к печати:

- Выпуск 9. Меркантилизм
- Выпуск 10. *Бастия Ф.*
Кобден и Лига: движение за свободу торговли в Англии
- Выпуск 11. *Аничков М. В.*
Война и труд
- Выпуск 12. *Гамильтон А.*
О пользе мануфактур в отношении оных к торговле и земледелию

«Русский тариф»

Серия основана в 2005 г.

Составление и научная редакция серии
к. и. н. М. М. Савченко

Выпуск 6

Яков Новигов

ПРОТЕКЦИОНИЗМ

Москва • Челябинск

УДК 339.54.012.435
ББК 65.428
Н73

Friedrich Naumann
STIFTUNG **FÜR DIE FREIHEIT**

Книга издана при поддержке
Фонда Фридриха Науманна (Германия)

Новиков, Яков Александрович (1849—1912)

Н73 Протекционизм / Я. А. Новиков. — Москва ; Челябинск : Социум, 2019. — 316 с. — (Сер. «Русский тариф». Вып. 6.)
ISBN 978-5-906401-96-0

Потомственный русский промышленник и социолог с мировым именем Я. А. Новиков (1849—1912) в 1890 г. написал эту книгу, рассчитанную на широкого читателя, в разгар обсуждения, вероятно, наиболее протекционистского таможенного тарифа в Российской истории, который будет принят в следующем, 1891 г. Автор всесторонне анализирует покровительство национальной промышленности с точки зрения справедливости и экономической эффективности, демонстрирует всю противоречивость, бессистемность и нестабильность этой политики.

Разбирая конкретные тезисы протекционистов, Я. А. Новиков аргументировано показывает, что промышленность может развиваться и без протекционизма, свободная торговля не создает рисков для безопасности государства, протекционизм уменьшает богатство и несовместим с патриотизмом, так называемый фазис несовершеннолетия промышленности никогда не заканчивается и является лишь предлогом для преследования корыстных интересов.

Экономико-теоретические построения Я. А. Новикова и его аргументация в защиту свободы торговли демонстрируют редкое для социолога превосходное знание политической экономии. Книга насыщена поучительными иллюстрациями из экономической истории и текущей практики внешнеторгового регулирования в Европе, Америке и России.

УДК 339.54.012.435
ББК 65.428

ISBN 978-5-906401-96-0

© ООО «ИД «Социум», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

М. М. САВЧЕНКО. «УБЕЖДЕННЫЙ И ЩЕДРЫЙ ДУШОЙ ИДЕАЛИСТ» 7

КНИГА I

Глава I. Охранительная система с точки зрения справедливости	45
Глава II. Последствия протекционизма для граждан	61
Глава III. Последствия протекционизма для государства	69

КНИГА II

Введение.	81
Глава I. Торговый баланс.	85
Глава II. Может ли общество быть богато без промышленности?	95
Глава III. Может ли промышленность развиваться без протекционизма?	107
Глава IV. Правда ли, что протекционизм содействует развитию промышленности?	119
Глава V. Может ли немедленное уничтожение таможенных пошлин убить промышленность?	131
Глава VI. Необходим ли протекционизм для безопасности государства?	145
Глава VII. Уменьшает ли экономическая зависимость безопасность государства?	151
Глава VIII. Фазис несовершеннолетия промышленности	161
Глава IX. Охранительная система и патриотизм.	173
Глава X. Народная исключительность	185

КНИГА III

Глава I. Личные интересы	203
Глава II. Кто поддерживает протекционизм?	209
Глава III. Возникновение и прекращение протекционизма	217

Глава IV. Основные заблуждения, из которых исходит протекционизм	223
Глава V. Задача правительств	237
Глава VI. Заключение	245

ПРИЛОЖЕНИЕ

Протекционизм	251
Экономисты и протекционисты	273
Доклад Я. А. Новикова	273
Обсуждение доклада Я. А. Новикова	289
Рецензии	299
Наблюдатель. 1890. (Отд. 2.) № 11	301
Русская мысль. 1890	305
Вестник Европы. 1890. Кн. 10	309

«УБЕЖДЕННЫЙ И ЩЕДРЫЙ ДУШОЙ ИДЕАЛИСТ»

Жизнь есть обмен веществ... экономическая
жизнь есть обмен товаров.

Я. А. Новиков

«Свою судьбу — часто крайне капризную и не всегда справедливую — имеют и книги, и авторы их. Банальную истину эту, что касается русской публики, ярко иллюстрируют многочисленные и разнообразные произведения на днях умершего в Одессе выдающегося социолога и талантливого публициста Якова Новикова»¹. Этими словами начинается заметка Е. В. Де Роберти² в шестой книжке «Вестника Европы» за 1912 г., посвященная памяти Я. А. Новикова. Действительно, широко известный в Европе на рубеже XIX—XX вв. своими работами в области социологии, экономики и международной политики Я. А. Новиков был малоизвестен в России даже образованной публике. В настоящем сборнике, выходящем в серии «Русский тариф», представлены избранные произведения Я. А. Новикова, относящиеся к теме внешнеторговой и таможенной политики государства. Центральное место здесь занимает социально-экономический памфлет «Протекционизм» — единственная его значительная работа, написанная на русском языке и изданная в России³.

«Законы политической экономии так же неотвратимы, как и законы химии или физики. Товары и услуги меняются на товары и услуги одинаковой стоимости — вот основной закон всех экономических

¹ Вестник Европы. 1912. № 6. С. 390.

² Е. В. Де Роберти (1843—1915) — российский социолог и общественный деятель. Подробнее о Е. В. Де Роберти см.: Семлали Ю., Рубанов Б. Л. Штрихи к биографии и социологической доктрине Е. В. Де-Роберти // Социологические исследования. 2006. № 8. С. 139—148.

³ Новиков Я. А. Протекционизм. СПб.: М. М. Стасюлевич, 1890. Далее в ссылках на эту работу указаны страницы настоящего издания.

явлений»¹. На этом теоретико-методологическом основании была построена защита экономического либерализма в «Протекционизме» Я. А. Новикова. Автор в публицистической манере подвергает критике политику протекционизма и государственного вмешательства, приходит к выводу, что «свободная торговля есть естественная форма экономических отношений, а протекционизм — искусственная и ложная». По мнению Я. А. Новикова, колоссальное развитие международной торговли и разделение труда между нациями в конце XIX в. превращают весь земной шар в общий рынок, а экономическую самостоятельность государств — в отживающий фазис истории человеческой цивилизации².

В самом начале читатель уведомлялся, что автор книги является промышленником. Это вызывало интерес и даже было интригующим, поскольку подавляющее большинство российских промышленников тогда были сторонниками таможенного протекционизма и иных мер государственной поддержки отечественного производства. Кроме того, тип энциклопедически образованного, прекрасно владеющего пером предпринимателя был для России того времени явлением редким. Важен и общественно-исторический контекст. Книга увидела свет накануне принятия нового таможенного тарифа — важной составной части экономической политики государства, когда общественная дискуссия о путях развития российского общества достигла своей кульминации. Работа Я. А. Новикова привлекла внимание читающей публики, вызвала отклики в прессе. В либеральной печати она характеризовалась как «веский и красноречивый обвинительный акт против так называемой покровительственной политики, которая в наши дни доходит “положительно до безумия”»³.

* * *

Буржуазно-либеральные реформы 60—70-х гг. XIX в. в России способствовали ускорению модернизационного процесса и переходу его в раннеиндустриальную фазу. Особенностью российской пореформенной модернизации было активное государственное участие в хозяйственной жизни страны. В условиях развернувшейся технологической революции и глобальной индустриальной экспансии государство с помощью льготных кредитов, казенных заказов

¹ Новиков Я. А. Протекционизм. С. 43.

² Новиков Я. А. Протекционизм. С. 285, 153—154.

³ Вестник Европы. 1890. № 10. С. 857.

и таможенных пошлин «насаждало» промышленность «сверху». В 1870-е гг. в правительственной политике наметился переход к более жесткому государственному регулированию экономики и покровительственной системе, что совпало с общемировой тенденцией разрыва ведущих промышленных держав с фритредом и перехода их к протекционизму. Экономический либерализм в своем падении увлек за собой и либерализм политический, причем их общая судьба знаменовала собой крупный сдвиг в экономической и социальной истории Европы¹.

Неотъемлемой частью экономической политики Александра III, подтвердившего протекционистский курс, было таможенно-тарифное регулирование. Общие и частные повышения таможенных пошлин стали следовать одно за другим, отдельные островки протекционизма, доставшиеся в наследство от либеральных тарифов 1850—1860-х гг., быстро множились, разрастались, постепенно сливаясь в обширный материк почти запретительной системы. Ужесточение протекционистского курса продолжилось вплоть до его кульминационного пункта — разработки и принятия высокопокровительственного таможенного тарифа 1891 г.

В период подготовки проекта тарифа вопросы внешнеторговой и таможенной политики были темой оживленной полемики, находились в центре общественного внимания. То было время, когда, по наблюдению современника, экономическая наука, «изборожденная вдоль и поперек самыми разноречивыми учениями», по вопросу о международной торговле находилась во власти двух враждующих лагерей, а «сторонники и противники протекционизма старались превзойти друг друга в своих увлечениях»². Речь шла не просто о величине пошлин на те или иные товары, перемещаемые через границы государства. В этих спорах находили отражение острые проблемы российской действительности, связанные с выбором пути социально-экономического развития страны, характером ее модернизации.

Активным участником дискуссии по проблемам торговой и таможенной политики в России был Яков Александрович Новиков (1849—1912) — социолог, экономист, публицист, представитель четвертого

¹ См.: Сказкин С. Д. Конец австро-русско-германского союза. Исследование по истории русско-германских и русско-австрийских отношений в связи с восточным вопросом в 80-е гг. XIX столетия. М.: Наука, 1974. С. 20.

² Бензема М. М. О таможенном покровительстве промышленности. Киев: К. Н. Милевский, 1891. С. 4, 22.

поколения одесских предпринимателей и общественных деятелей Новиковых.

Основатель династии купец 1-й гильдии Илья Сергеевич Новиков происходил из брянского купечества. В 1806 г. он устроил в Одессе одно из первых промышленных предприятий — канатную фабрику, ставшую вскоре крупнейшей на Юге России. В мае 1816 г. херсонский военный губернатор гр. А. Ф. Ланжерон отмечал в письме министру внутренних дел О. П. Козодавлеву, что фабрика И. С. Новикова «снабжена нужными инструментами и достаточным количеством материалов, доведена почти до совершенства»; с 1815 г. произведено и продано около 18 тыс. пудов канатов, «большая же часть оных отправляется обыкновенно за границу»¹. В условиях быстро возрастающего значения Одессы как торгового центра И. С. Новиков в числе первых создал торговый дом, обороты которого возросли с открытием в городе порто-франко (1819), развернул экспортную торговлю хлебом, брал подряды на строительство. Согласно «Одесскому вестнику» (1845) в начале 1840-х гг. в Одессе заморской торговлей занимались 66—77 коммерсантов, и все они, за исключением Новикова, были иностранцами². Православная вера подвинула купца к участию в строительстве храмов, например Михайловской церкви, при отсутствии средств достроенной за его счет. Илья Сергеевич был известен как общественный деятель и администратор, избирался городским головой Одессы (1833—1836).

Сыновья И. С. Новикова Николай и Яков расширили и усовершенствовали фамильное дело. Яков Ильич преуспел и по административной части: потомственный почетный гражданин, он был ратманом (советником) городского магистрата (1841—1845), избирался городским головой Одессы (1845—1848), долгое время являлся одним из директоров Одесской конторы Государственного коммерческого банка.

Далее дело продолжил и весьма успешно сын Я. И. Новикова Александр. Следуя фамильной традиции, он в скором времени стал коммерции советником, старшиной купеческого сословия Одессы, гласным городской Думы и советником ведущих городских банков³. Историк Новороссийского края А. А. Скальковский в 1860-е гг. отмечал, что канатный завод «под надзором весьма просвещенного торговца А. Я. Новикова вновь устроен по образцу английских заводов;

¹ РГИА. Ф. 18. Оп. 2. Д. 191. Л. 1—1об.

² См.: *Атлас Д. Г.* Старая Одесса, ее друзья и недруги. Одесса: АО Ласми, 1992. С. 145.

³ См.: *Одесский вестник.* 1995. № 241—242.

машины сделаны лучшим из английских заводчиков инженером Меннингом (Mapping) в Лондоне. При новом своем устройстве завод может производить до 60 тыс. пудов самого лучшего каната. Произведения гг. Новиковых высоко ценятся в Турции и Греции, куда они отправляют от 20 до 30 тыс. пудов ценою от 2 до 3 руб. серебром за пуд, смотря по достоинству»¹. «Канатные заводы в губернии существуют с целью доставления канатов Черноморскому флоту, как военному, так и купеческому, и не только русскому, но и турецкому, греческому и дунайских княжеств, — писал в 1863 г. офицер Генерального штаба А. Шмидт. — Днепр доставляет пеньку, а в южных районах занимаются выделкой из нее канатов...»²

В начале 1880-х гг. А. Я. Новиков, поглотив последних конкурентов, стал единственным канатным фабрикантом в Одессе (годовое производство более 200 тыс. руб., более 100 рабочих). Примером успешной деятельности предпринимателя в области, как сказали бы мы сегодня, импортозамещения была организация производства сноповязальных нитей. «Одна из причин, тормозящих распространение у нас столь полезной механической сноповязалки, — это дороговизна ниток, употребляемых при ней для вязания снопов, — отмечал фабрикант. — Нитки эти изготовляются на механических прядильных станках из манильской травы или пеньки и привозятся до сих пор из-за границы. Так как они обложены довольно высокой пошлиной, то продаются от 10 до 12 руб. за пуд. Учредив в Одессе механическое пенькопрядильное заведение, я имею возможность изготовлять нитки совершенно тождественные заграничным, так как они выделяются на одинаковых машинах... Механические нитки я продаю в настоящее время по 7 руб. 50 коп. за пуд в клубках такой же точно формы, как и американские»³.

Высокое качество продукции и ее активное продвижение на рынки позволили А. Я. Новикову существенно увеличить сбыт товара в придунайских странах и портах Средиземноморья, при содействии Общества Добровольного флота предпринять шаги для выхода на

¹ Скальковский А. А. Записки о торговых и промышленных силах Одессы. СПб.: В. Безобразов, 1865. С. 99.

² История завода Стальканат [Электронный ресурс]. URL: <http://stalkanatsilur.com.ua/ru/o-kompanii/istoriia-zavoda-stalkanat> (дата обращения: 07. 08. 2017)

³ Хозяин. 1894. № 4 и след. Реклама.

рынки Китая и Японии¹. Продукция фабрики была отмечена почетными дипломами и медалями российских и международных выставок, в том числе Большой серебряной медалью Всероссийской художественно-промышленной выставки в Москве (1882)². По мнению современников и историков, на протяжении почти всего XIX в. канатная фабрика Новиковых была одним из лучших и наиболее известным предприятием обрабатывающей промышленности Одессы³.

Выдающаяся предпринимательская энергия и безупречная деловая репутация Новиковых обеспечили им видное место в российских деловых кругах, а высокая образованность, активная общественная позиция и значительная благотворительная деятельность способствовали их известности в просвещенном обществе Юга России и за его пределами. К. А. Скальковский отмечал, что в середине XIX в. «одесское общество было отлично составлено. Аристократию образовал кружок генерал-губернатора... К этому кружку примыкали богатые иностранные негодцианты... Русские купцы, продававшие веревки, железо, сбрую, составляли меньшинство и в общество по своей необразованности не допускались... Исключением из русских купцов по своей просвещенности были Новиковы»⁴.

Новиковы были крупными одесскими домовладельцами. В 1876 г. центре Одессы рядом с городским садом А. Я. Новиков построил двухэтажный особняк дворцового типа в стиле и формах позднего итальянского Ренессанса (архитектор Ф. В. Гонсиоровский). До 1899 г. особняк был известен в Одессе как «Дом Новикова». В начале XX в. Его приобрели городские власти. В настоящее время в доме находится Одесский историко-краеведческий музей (ул. Гаванная 4).

Я. А. Новиков родился в 1849 г. в Константинополе (Стамбуле), где его отец возглавлял представительство канатной фабрики Новиковых

¹ См.: Иллюстрированное описание Всероссийской художественно-промышленной выставки в Москве 1882 г.: [альбом]. СПб.; М.: Герман Гоппе, [1882]. С. 230, 240.

² См.: Южнорусский альманах. [Год 2-й]. Одесса: Ю. И. Сандомирский, 1896. [Паг. 4]. С. 25.

³ См., напр.: Скальковский К. А. Торговля, заводская, фабричная и ремесленная промышленность в Одессе. Одесса: П. Францов, 1865. С. 15.

⁴ Скальковский К. А. Воспоминания молодости: (По морю житейскому): 1843—1869. СПб.: А. С. Суворин, 1906. С. 19—20. К. А. Скальковский (1843—1906), сын А. А. Скальковского, родился и провел детство в Одессе; горный инженер, директор Горного департамента (1891—1896), писатель-публицист, мемуарист. В 1890 г. К. А. Скальковский работал вместе с Я. А. Новиковым в комиссии при Министерстве финансов над проектом таможенного тарифа.

(через несколько лет в связи с Крымской войной представительство и склад канатов фабрики пришлось закрыть). Яков получил домашнее образование, дополненное обучением в Италии, Швейцарии, Германии, в 1870-е гг. слушал лекции по истории и праву в Новороссийском университете¹. Путешествуя по Европе, он занимался самообразованием, изучал историю искусства, увлекся социально-политическими науками, но принадлежал к типу недипломированных ученых и оставался на протяжении всей жизни равнодушным к официальным научным званиям и формальным знакам отличия.

Яков Александрович испытал значительное влияние отечественной духовно-интеллектуальной традиции, усвоив также в большой мере богатство западноевропейской научной мысли и культуры (владел шестью иностранными языками). Несомненно, значительное влияние на его личностное становление оказала особая атмосфера Одессы — своего рода Черноморского Вавилона с совместным проживанием представителей многих этносов, сложившимся вдали от столицы уникальным опытом взаимного обогащения культур и свободомыслия. Еще в середине 1820-г гг. живший в южном городе-порте поэт обратил внимание на его космополитизм и коммерческий дух:

Я жил тогда в Одессе пыльной...
Там долго ясны небеса,
Там хлопотливо торг обильный
Свои подъемлет паруса;
Там все Европой дышит, веет,
Все блещет югом и пестреет
Разнообразием живой.
Язык Италии златой
Звучит по улице веселой,
Где ходит гордый славянин,

¹ Экземпляр книги Я. А. Новикова «Протекционизм» имеется в личной библиотеке Д. И. Менделеева. К титульному листу книги прикреплена визитная карточка бывшего профессора Новороссийского университета А. С. Трачевского с записью Д. И. Менделеева: «Новиков его ученик, как он сам говорил». В тексте книги имеются многочисленные пометы Д. И. Менделеева. (Научный архив Д. И. Менделеева Санкт-Петербургского университета (НАМ СПбГУ). Личная библиотека Д. И. Менделеева. I библиотека. Т. 271/2). Poleмические замечания на книгу Я. А. Новикова Д. И. Менделеев включил в свой «Толковый тариф» (см.: *Менделеев Д. И. Толковый тариф, или Исследование о развитии промышленности России в связи с ее общим таможенным тарифом 1891 года*. СПб.: В. Демаков, 1892. С. 33—38).

Француз, испанец, армянин,
И грек, и молдаван тяжелый...

.....

Глядишь — и площадь запестрела.

Все оживилось; здесь и там

Бегут за делом и без дела,

Однако больше по делам.

Дитя расчета и отваги,

Идет купец взглянуть на флаги,

Проведать, шлют ли небеса

Ему знакомы паруса...

(А. С. Пушкин. Отрывки из путешествия Онегина.)

На протяжении первого столетия своего существования Одесса по укладу жизни и чертам менталитета оставалась преимущественно коммерческой, а в середине XIX века «город дышал исключительно воздухом порто-франко и питался его соками». К. А. Скальковский вспоминал, что «благодаря порто-франко все было ужасно дешево. Таможенных пошлин с привозных товаров платилась одна пятая по тарифу, поэтому иностранные сахар, бакалеи, вино, портер, модные галантерейные товары продавались дешево. Пошлины уплачивались при выезде из Одессы, для чего существовали особые таможи и заставы, в которых при поездках на дачи досмотрщики усиленно тыкали большими железными заостренными шестами в экипажи, ища контрабанды, которая преспокойно провозилась легальным путем... Чисто русские изделия покупались на ярмарке, происходившей ежегодно за Херсонской таможней на Пересыпе, в сентябре... Под влиянием таких просвещенных начальников, как Ришелье, Ланжерон, Воронцов, Левшин, жизнь в Одессе отличалась такой свободой, о которой не имели понятия и в столицах»¹.

В 1887 г. после смерти отца Я. А. Новиков вступил в управление его промышленными и торговыми делами, продолжил реконструкцию канатного производства, одним из первых предпринимателей в Одессе электрифицировал его. В середине 1890-х гг. фабрика производила канатов на 300—350 тыс. руб. в год. При Я. А. Новикове высокое качество продукции фабрики было отмечено золотыми медалями

¹ Скальковский К. А. Воспоминания молодости... С. 17, 18.

Херсонской земской (1890) и Бессарабской (Кишинев, 1899) выставок и другими наградами¹.

* * *

Как предприниматель, ученый и общественный деятель Я. А. Новиков был не только современником, но и активным участником капиталистической модернизации России. Экономике России на рубеже XIX—XX вв. он характеризовал как переходную от чисто сельскохозяйственного этапа развития к промышленному, указывал на неизбежность приобретения в будущем промышленностью огромного значения, полагая, что движение в этом направлении сдерживается бюрократической централизацией и административной рутинной. Либерал и индустриалист по убеждениям, он выступал сторонником развития производительных сил на началах конкуренции и свободной борьбы рыночных сил.

Политическую экономию Я. А. Новиков считал, в отличие от социологии, наукой вполне зрелой и способной уже теперь определять экономическую политику правительств в решении как внутренних, так и межгосударственных проблем. В работах «Расточительство современных обществ»² и «Проблема нищеты и природные экономические явления»³ он исследовал взаимосвязь бедности большинства населения европейских стран и расточительности современных обществ, выяснил социально-экономическую природу глубоко укорененных в массовом сознании заблуждений: отождествления общественного богатства с золотом, таможенного протекционизма, якобы способного обогатить страну за счет заграницы, стремления к территориальной экспансии и милитаризма, грозящих катастрофой общеевропейской войны, и т.п.

В дискуссиях по проблемам торгово-экономической политики России Я. А. Новиков имел репутацию последовательного

¹ См.: Плаксин С. И. «Коммерческо-промышленная Одесса» и ее представители в конце девятнадцатого столетия и история развития торговых фирм с приложением адресных сведений. Одесса: «Славянская» тип. Н. Хрисогелос, 1901. Реклама.

² *Novicow J. Les Gaspillages des sociétés modernes. Contribution à l'étude de la question sociale (soirees ouvrières). Paris: Félix Alcan, 1894.* 2-е издание вышло в 1899 г.

³ *Novicow J. Le problème de la Misère et les phénomènes économiques naturels. Paris: Félix Alcan, 1908.* Работа также издана на итальянском, немецком и испанском языках.

и решительного сторонника свободной торговли. В покровительственной системе он видел смягченную форму экономического рабства и указывал на ее пагубные последствия для страны (снижение благосостояния граждан, сокращение государственных доходов, замедление развития производительных сил и т.д.). В контексте общеэкономической проблематики Я. А. Новиков высказался по ряду актуальных вопросов российской экономической жизни (обличал фальшивый, по его мнению, патриотизм многих отечественных предпринимателей, стремящихся к личной выгоде в ущерб народным интересам, выступал против популярной в среде московских промышленников идеи запрета льготного импорта через устья сибирских рек, указывал на причины топливных кризисов, выяснял значение иностранных капиталов для отечественной экономики, критиковал отмену закавказского транзита и т.д.).

Я. А. Новиков полагал, что систему протекционизма создали три причины: ходатайства заинтересованных лиц, желание правительств обеспечить удовлетворение известных общественных потребностей посредством монополии и, наконец, ложные экономические убеждения. Но главной опорой протекционизма служили, по его мнению, экономические теории. Охранительная система не есть результат действия естественных законов экономических и политических, как, например, рабство, крепостная зависимость, феодализм, самодержавие, парламентаризм и прочее. Протекционизм, как и классическое образование, облекается в значение системы теоретическими рассуждениями¹.

В книге «Протекционизм» Я. А. Новиков стремился показать, что сохраняющаяся упорно во многих государствах охранительная система поддерживается, с одной стороны, личными интересами узкого круга фабрикантов, с другой — бескорыстными, но, увы, глубоко ошибочными экономическими убеждениями народных масс и правящих классов. Далее он делал смелый для русского подцензурного издания вывод: поддержка правительствами многих государств охранительной системы объясняется тем, что «современные правительства — далеко не центры просвещенных идей; очень часто, напротив, — они центры обскурантизма и рутины». Это обусловлено несовершенством форм государственного правления: в монархиях дарования государей зависят от случайностей

¹ Новиков Я. А. Протекционизм. С. 219—220.

природы, а в демократических республиках у власти оказываются ловкие посредственности, способные льстить предрассудкам и рутинным убеждениям несведущих избирателей. Другое дело — экономисты, которые теперь все — фритредеры, поскольку для науки принцип свободной торговли сделался уже общим местом. «Собрать для обсуждения тарифов не заинтересованных промышленников, а комиссию из знаменитейших экономистов не пришло в голову еще никому», — с сожалением констатировал он. В отличие от протекционистов, утверждавших, что английская промышленность обязана своими достижениями навигационным актам О. Кромвеля и другим протекционистским мерам, Я. А. Новиков объяснял превращение Англии в «первую мануфактурную державу» достижениями политэкономии и переменой экономических воззрений ее правителей, отменивших охранительные пошлины. Поэтому английская промышленность достигла больших успехов уже после отмены охранительной системы¹.

На ошибочность теории протекционистов, по мнению Я. А. Новикова, указывает и изменчивость таможенной политики европейских стран. «Если теория протекционистов верна, то она должна быть устойчива, — отмечал он. — Что же мы видим на деле?» Возьмем для примера Францию. При короле Генрихе III в 1581 г. была введена фискальная таможенная система, в эпоху правления Людовика XIV в 1667 г. Ж.-Б. Кольбер учредил первый протекционистский тариф, от которого пришлось отказаться после заключения Рейсвейкского мира (1697). В XVIII в. в стране долгое время торжествовал протекционизм, но торговый договор с Англией (1786) широко открыл французские порты английскому флагу, а Национальное собрание пошло еще дальше и в 1790 г. ввело тариф, по которому даже на предметы роскоши пошлина не превышала $\frac{1}{4}$ их стоимости. В 1793 г. Конвент установил запрещение на ввоз многих товаров, затем Наполеон I довел «протекционизм почти до сумасшествия», но, объединив всю Западную Европу, он уничтожил громадную линию пограничных таможен и сделал для свободной торговли больше, чем кто-либо другой. После падения Бонапарта Европа вздохнула, были введены весьма либеральные тарифы, но ненадолго; в 1816 г. последовала реакция и до 1860 г. французский рынок охранялся строгим тарифом. Отчасти под влиянием

¹ Новиков Я. А. Протекционизм. С. 214—216, 221—222.

Р. Кобдена Наполеон III заключил более либеральные торговые трактаты с Англией и другими европейскими державами, но в последнее время во Франции вновь торжествует идея протекционизма, и пошлины идут вверх¹.

Похожие перемены Я. А. Новиков находил и в таможенно-тарифной политике России. По Тильзитскому договору 1807 г. Россия присоединилась к континентальной системе и запретила ввоз английских товаров, но в 1810 г. был допущен ввоз импортных товаров под нейтральным флагом, позднее свободная торговля взяла вверх, и пошлины уменьшились. После реакции протекционизма (20—40-е гг. XIX в.) в таможенно-тарифной политике произошел либеральный разворот. По мнению Я. А. Новикова, тариф 1857 г. был благодатным и охранительным в действительном смысле этого слова, поскольку с просвещенной предупредительностью шел навстречу настоящим потребностям страны, где преобладало земледелие, и освободил от пошлин все, что необходимо «для первого обзаведения фабрик». Однако переход к взиманию таможенных пошлин золотом в 1877 г. не только значительно повысил уровень таможенного обложения всего импорта, но и придал пошлинам пагубное качество неопределенности ввиду колебаний курса кредитного рубля; «все расчеты оказывались праздными, и торговля превратилась в какую-то лотерею». В последующие годы «ветер протекционизма стал дуть у нас все сильнее и сильнее, пока он не разразился в наши дни настоящим ураганом»².

Помимо колебаний в общей системе тарифов имели место колебания по отдельным статьям. Так, Наполеон I и его преемники поощряли свеклосахарное производство (за 40 лет государство израсходовало на поддержку этой отрасли около 180 млн фр.), но в 1843 г. стали поощрять судостроение, и для обеспечения перевозки французским флотом тростникового сахара из колоний правительство предложило законодателям запретить местное производство свекловичного сахара, составлявшего тогда половину внутреннего потребления. В России поощряли производство мешков из дешевого импортного джута, но теперь решили наложить пошлину на джут, поскольку мешки можно делать из пеньки, и производящие джутовые мешки фабрики должны будут закрыться. «Считают нужным покровительствовать то

¹ Новиков Я. А. Протекционизм. С. 225—226.

² Новиков Я. А. Протекционизм. С. 226—228.

одному продукту, то другому», — отмечает Я. А. Новиков, и, к сожалению, при охранительной системе колебания в тарифе неизбежны, потому что мнения правительств, их временные пристрастия к различным отраслям производства, влияния разных лиц и комбинации частных интересов меняются непрерывно. Трудно начать какое-либо предприятие, решиться употребить на фабричное дело большие капиталы, если возможное повышение пошлин на сырье или понижение пошлин на готовый товар нависает над головой предпринимателя как дамоклов меч. И это одно из главных зол протекционизма, заключает он¹.

* * *

Подтверждение естественноисторического характера свободной торговли как формы экономических отношений Я. А. Новиков находил в социологической теории позитивизма и натурализма. Всякий жизненный процесс есть обмен веществ, рассуждал он, и чем быстрее происходит этот процесс, тем жизнь интенсивнее и организм совершеннее. Между биологическим и экономическим процессами есть основная аналогия, ибо один процесс есть продолжение другого. Мы покупаем чужие продукты для потребления, продаем свои для возобновления наших покупных способностей, и чем быстрее происходят покупки и продажи, чем их больше, тем выше экономическое развитие общества. Искусственно затрудняя куплю-продажу и сокращая число коммерческих сделок, общество теряет динамику своего развития, отстает от других в самосовершенствовании, признаком которого служит высшее напряжение жизненных сил, как в индивидуальном, так и в общественном организме².

Политику российского правительства по «насаждению» промышленности Я. А. Новиков подвергал критике с позиций органицизма и биологического редуционизма. По его мнению, ход исторического процесса определяется не волей человека, а действием естественных законов. «Так, функции простые осуществляются ранее сложных. Напрасно требовать от ребенка, чтобы он умел читать раньше, чем он будет уметь говорить; нельзя также требовать от общества, чтобы в нем менее прибыльные занятия исполнялись раньше более

¹ Новиков Я. А. Протекционизм. С. 228—229, 242—243.

² Новиков Я. А. Протекционизм. С. 233—234.

прибыльных. Во всяком государстве промышленность разовьется непременно безо всякой посторонней и искусственной помощи, как скоро возникнут соответствующие социальные условия»¹.

Подобный взгляд на закономерности исторического процесса и характер экономического развития разделяли в то время в России многие представители экономической науки. Так, А. А. Исаев отмечал, что вызвать к жизни таможенными налогами «новую отрасль промышленности — еще не значит создать новое богатство; быть может, капиталы, оставаясь в прежнем положении, действовали бы более успешно, и народное богатство возрастало бы быстрее»². Академик И. И. Янжул, обращая внимание на искусственный и непрочный характер российской индустриализации, сравнивал отечественную промышленность с тепличным растением, выращенным в искусственной, душной атмосфере высокого таможенного покровительства и способным погибнуть от «свежего веяния вольного простора»³.

Я. А. Новиков был представителем Одесского биржевого комитета в Комиссии для общего пересмотра таможенного тарифа (Тарифной комиссии), работавшей при Министерстве финансов под председательством министра И. А. Вышнеградского в октябре—декабре 1890 г. Новый таможенный тариф, по свидетельству современника, был «любимым детищем» министра и представлял собой «стройное сооружение, [подготовленное] по строго продуманному и смело выполненному плану»⁴. Разработка тарифа велась в 1887—1891 гг. «с необычайной для России старательностью», с привлечением значительного числа ученых и специалистов-практиков.

Как свидетельствуют стенограммы заседаний Тарифной комиссии, ее деятельность была подчеркнута коллегиальной, характеризовалась детальным обсуждением проектируемых таможенных ставок и принятием соответствующих решений на основе голосования. Работавший в Комиссии Д. И. Менделеев отмечал деловой характер дискуссии и компетентность состава участников «этого

¹ Новиков Я. А. Протекционизм. С. 119.

² Исаев А. А. Народное богатство и таможенное покровительство // Русская мысль. 1889. № 6. Отд. 1. С. 38, 40.

³ Янжул И. И. Основные начала финансовой науки. Учение о государственных доходах. 4-е изд. СПб.: М. М. Стасюлевич, 1904. С. 397.

⁴ Воспоминания В. И. Ковалевского // Русское прошлое. 1991. № 2. С. 39.

крупного дела народной жизни», признавал, что сам «после внимательного изучения должен был во многих случаях переменить свое мнение, узнав много такого, что не имел сперва в виду»¹. Вместе с тем следует заметить, что протекционистский характер решений комиссии был предопределен ее составом и в конечном счете обусловлен общим направлением экономической политики государства². В высоком собрании Я. А. Новиков был в числе немногих критиков правительственного курса (при обсуждении некоторых ставок его призывы к смягчению уже почти запретительных ставок были хорошо различимыми, но единственными в хоре голосов «протекционистов-государственников»)³.

В Комиссии Я. А. Новиков выступил за возвращение к беспощадному ввозу судов дальнего плавания как меры поощрения русской торговли в целом: «Если мы желаем поощрять, с одной стороны, судостроение, а с другой — железоделательные заводы, то, к сожалению, все эти поощрения делаются в ущерб кому-нибудь другому, а этот другой есть вся русская торговля и русская промышленность. Возможно ли противопоставить интересы двух отраслей интересам всех других?»⁴

При обсуждении ставок таможенного обложения машин Я. А. Новиков считал важным учесть интересы отечественных экспортеров

¹ Менделеев Д. И. Толковый тариф... С. 115—116.

² Состав Тарифной комиссии был определен Александром III повелениями от 16 августа, 12 и 26 октября 1890 г. Представители дворянского землевладения (А. Н. Трубников) и сельскохозяйственной промышленности (П. Л. Корф) в Комиссии составляли меньшинство и не могли влиять на ее решения (см.: Список личного состава Высочайше учрежденной Комиссии для общего пересмотра таможенного тарифа. СПб.: В. Киришбаум, 1890).

³ Упомянувшийся выше член Тарифной комиссии К. А. Скальковский отмечал, что обсуждавшиеся обложения получались «колоссальными». По проекту Д. И. Менделеева «приготовление простого кирпича облагалось пропорционально выше, чем дорогих фарфоровых ваз! Профессор исходил из того, что России надобно выучиться сначала выдвигать у себя дешевые вещи». Даже среди убежденных протекционистов появилось мнение, что неразумно «поднимать тарифы безмерно». В Государственном совете некоторые преувеличенные ставки были уменьшены, в том числе «отклонено курьезное предложение обложить двумя рублями с пуда египетские мумии». (Впрочем, последнее замечание К. А. Скальковского не подтверждается стенографическими отчетами заседаний Комиссии.) См.: *Скальковский К. А. Очерки и фантазии*. СПб.: А. С. Суворин, 1903. С. 242—243.

⁴ Заседания Высочайше учрежденной Комиссии для общего пересмотра таможенного тарифа. Стенографические отчеты. 10 октября — 7 декабря 1890 г. СПб. Б. и. Б. г. С. 439—440.

и, полемизируя с И. А. Вышнеградским, находил аргументы в пользу понижения пошлины в собственном предпринимательском опыте. Он отмечал, что в 1889 г. приобрел импортные прядильные машины, заплатив пошлину в размере 25% их стоимости. Следовательно, затрачивая одинаковый капитал, иностранный конкурент произведет на $\frac{1}{5}$ больше русского фабриканта и, таким образом, борьба с ним на внешнем рынке будет крайне тяжелой. «Между тем, — подчеркивал Я. А. Новиков, — мы имеем некоторые отрасли промышленности, для которых иностранные рынки имеют значение. Поэтому я нахожу, что пошлина на машины есть покровительство иностранной промышленности в ущерб русской, что едва ли желательно, так как, обеспечивая наш внутренний рынок, она в то же время вредит распространению отечественных продуктов на иностранном рынке». А. И. Вышнеградский в связи с этим замечал: «Вопрос этот может быть поднят не теперь, когда мы вывозим за границу главным образом сырье, а не фабрикат». «Это не совсем так, — возражал Я. А. Новиков. — В настоящее время я, например, вывожу в Средиземное море изделия моей канатной фабрики, но должен сказать, что конкуренция английских заводов для меня является крайне тяжелой, так как они получают и машины, и уголь, и массу других предметов гораздо дешевле, чем я»¹.

С доводами в защиту свободной торговли Я. А. Новиков выступал в Императорском Вольном экономическом обществе (декабрь 1890 г.), где доказывал вредное влияние таможенных пошлин «не только на развитие народного богатства вообще», но и «на преуспевание именно нашей промышленности»².

В новом тарифе, вступившем в действие 1 июля 1891 г., был реализован принцип «равномерного покровительства» всем отраслям промышленности на всех стадиях производства от добычи сырья до выделки наиболее дорогих изделий. «В этом тарифе на деле проводится принцип таможенной охраны без всяких пропусков и изъятий, — отмечал историк таможенной политики Н. Н. Шапош-

¹ Заседания Высочайше учрежденной Комиссии для общего пересмотра таможенного тарифа... С. 357—358.

² Новиков Я. А. Экономисты и протекционисты: доклад на собрании III Отделения Императорского вольного экономического общества 8 декабря 1890 г. // Труды ИВЭО. 1891. № 3. Отд. 1. С. 301—314; [Обсуждение доклада] // Труды ИВЭО. 1891. № 1. Отд. 2. С. 59—65. Доклад Я. А. Новикова и материалы его обсуждения публикуются в настоящем издании.

ников. — Таможенное покровительство при этом распространяется на все последовательные стадии производства»¹. Из 620 ставок тарифа по 432 ставкам были сделаны повышения, 114 ставок ранее беспошлинных были обложены. Пошлины на ввозимые товары резко увеличивались, особенно в группе сырых материалов и полуфабрикатов. При этом обложение импорта в среднем достигло $\frac{1}{3}$ его стоимости и превзошло «все, что когда-либо было сделано в Европе в смысле таможенной охраны»².

В качестве делегата от одесских Комитета торговли и мануфактур и Биржевого комитета Я. А. Новиков участвовал в работе Торгово-промышленного съезда в Нижнем Новгороде (1896), где выступал за либерализацию таможенного законодательства, в частности настаивал на снижении импортных пошлин на сельскохозяйственные машины. Снижение товарных цен он связывал не столько с таможенным покровительством, сколько с техническим прогрессом («если бы у нас не было установлено таможенных пошлин на рельсы, то одно уже усовершенствование техники удешевило бы их»). Успехи отечественной нефтяной промышленности, по его мнению, были обусловлены не пошлиной на привозной керосин, а тем, что били фонтаны нефти, а Нобели технически усовершенствовали производство (цистерны для хранения нефти, перевозка ее наливом и др.). Последнее соображение вызвало возражение Д. И. Менделеева: «...и фонтаны, и Нобель могли явиться только тогда, когда была наложена пошлина на привозной керосин, а если бы ее не было, то мы и до сих пор освещались бы трехрублевым керосином»³. Обращая внимание участников дискуссии на съезде на то, что отечественная промышленность не может удовлетворить потребности внутреннего рынка, Я. А. Новиков отмечал: «Мы на Юге России не в состоянии получить от наших заводов те предметы, которые нам крайне необходимы», при том что

¹ Шапошников Н. Н. Таможенная политика России до и после революции. М.; Л.: Центральное управление печати и пропаганды ВСНХ, 1921. С. 21—22

² Шульце-Геверниц Г. Очерки общественного хозяйства и экономической политики России. СПб., 1901. С. 211.

³ См.: Труды Высочайше учрежденного Всероссийского торгово-промышленного съезда 1896 г. в Нижнем Новгороде. Т. VIII. СПб.: В. Киршбаум, 1897. Отд. II. С. 69, 109—110. Добыча нефти в России за 20 лет (1876—1896 гг.) увеличилась в 35 раз, а цена пуда керосина на месте производства снизилась до 7 коп. (см.: Дьяконова И. А. Нефть и уголь в энергетике царской России в международных сопоставлениях. М.: РОССПЭН, 1999. С. 165—166; Труды Высочайше учрежденного Всероссийского торгово-промышленного съезда... С. 100).

важен срок выполнения заказа. Призывы терпеливо ждать развития собственной промышленности он не мог признать убедительными: «Нельзя останавливать жизни целого государства ради интересов отдельных групп производителей. Нам необходимо дать нашему народу более совершенные орудия труда и не останавливаться в достижении этой цели перед какими-либо побочными обстоятельствами»¹.

Примечательно, что по вопросу о таможенных пошлинах на сельскохозяйственные машины Общее собрание съезда приняло большинством голосов резолюцию, в основу которой был положен проект Л. В. Ходского. В резолюции указывалось, что для оживления сельского хозяйства весьма желательно «значительное понижение пошлин на чугун, железо и сталь и изделия из них, необходимые для удовлетворения сельскохозяйственных нужд». В период проведения политики усиленного протекционизма это была одна из немногих скромных побед сторонников смягчения охранительной системы².

Я. А. Новиков познакомил отечественного читателя с экономическими взглядами американского социолога У. Самнера (W. Sumner), издав в 1893 г. в Петербурге на русском языке в собственном переводе сборник его полемических выступлений в США в поддержку свободной торговли³. В предисловии к книге он отмечал по поводу популярных в России идей заокеанского таможенного протекционизма, что экономическая политика должна основываться на знании законов политической экономии и умении применять их к конкретным условиям страны. В либеральной прессе приветствовали Я. А. Новикова в его желании помочь русскому обществу преодолеть предрассудки протекционизма. Рецензенты обратили внимание на удачный выбор для издания книги У. Самнера, который

¹ Труды Высочайше учрежденного Всероссийского торгово-промышленного съезда... С. 69—70.

² Труды Высочайше учрежденного Всероссийского торгово-промышленного съезда 1896 г. в Нижнем Новгороде. Т. I. СПб.: В. Киршбаум, 1897. Паг. 3. С. 40—41. Как писал П. А. Бурышкин, «на этом съезде вопрос о пошлине на сельскохозяйственные орудия занимал одно из центральных мест, что дало повод опять вернуться к спору, привычному для России XIX века: земледельческая ли страна Россия и нужно ли в ней создавать или поощрять развитие промышленности... Аграриев возглавлял профессор Л. В. Ходский, а промышленников — профессор Д. И. Менделеев... На этом съезде одолели аграрии...» (Бурышкин П. А. Москва купеческая. Мемуары. М.: Высшая школа, 1991. С. 90—91).

³ Самнер У. Протекционизм, или Теория происхождения богатства от непроизводительного труда / пер. с англ., вводная статья, примеч. Я. А. Новикова. СПб.: И. Гольдберг, 1893. (Переиздана издательством «Социум» в 2019 г.)

выступил против своих отечественных доброжелателей, проводших запретительный тариф Мак-Кинли¹. В книге профессора Йельского университета, содержащей остроумную критику государственного вмешательства, увидели ценное приобретение отечественной экономической литературы.

* * *

Социологическое наследие Я. А. Новикова (свыше 20 монографий, множество статей и докладов) отличается большим тематическим разнообразием. Он специально исследовал проблемы теории и методологии социального познания, вопросы социально-экономической жизни, международных отношений, войны и мира, национальной политики, положения женщины и др. Я. А. Новиков выступил одним из основоположников теории социальных элит, исследовал механизмы генезиса и функционирования элит, их воздействие на общественное сознание и роль в социальных изменениях. Разделяя главные положения органической школы, он уже в 1890-е гг. отвергал упрощенный взгляд на общество, согласно которому правительство есть средоточие волевой силы в социальной жизни, подобно тому, чем является мозг в отношении частей организма. Социальным мозгом он считал не правительство, а особый социальный слой (*élite sociale*), который благодаря своим способностям и возможностям способен и должен вырабатывать идеи и чувства социального агрегата².

Я. А. Новикову принадлежит первая научная теория международной политической организации, а также одна из первых в истории социологии концепция ненасилия. Как убежденный сторонник либеральных идей, он отвергал идеи коллективизма и социализма, связывая их с проявлениями принуждения в отношениях между людьми.

¹ См.: Русская жизнь. СПб. 1893. № 186. 15 июля; Вестник Европы. 1893. № 10. Библиографический листок; Русское богатство. 1894. № 2. Отд. 2. С. 71—72. Тариф Мак-Кинли (McKinley Tariff; назван по имени председателя бюджетного комитета Палаты представителей У. Мак-Кинли) — тарифный закон (1890); вводил рекордные таможенные ввозные пошлины, повысив их средний уровень с 38 до 49,5% от стоимости товара, что превращало их в запретительные (см.: *Михуев П. Г.* Таможенная политика Соединенных Штатов с основания республики до настоящего времени // Русское экономическое обозрение. 1904. № 5. С. 59—62; *Taussig F.* The Tariff History of the United States. 5th ed. N. Y.; L.: G. P. Putnam's sons, 1910. P. 251—283).

² *Novicow J.* Conscience et volonté sociales. Paris: V. Giard & E. Brière, 1897. P. 22; *Novicow J.* La Théorie organique des sociétés // *Annales de l'institut international de sociologie.* T. IV. Paris: V. Giard & E. Brière, 1898. P. 173.

Объясняя явления социальной жизни с позитивистских позиций, он выдвинул эволюционистскую биоорганическую теорию исторического процесса и подверг критическому анализу социал-дарвинистские трактовки борьбы как общественного явления. Признавая борьбу за существование центральным элементом механизма социальной эволюции, Я. А. Новиков в противоположность социал-дарвинистам полагал, что по мере роста цивилизации этот механизм сам подвержен изменению. Он выделял четыре необходимые стадии такой борьбы: физиологическую, экономическую, политическую, интеллектуальную и считал, что последняя может принимать форму религиозных войн или революций, но, оставаясь, по сути, борьбой за доминирование идей, должна иметь результатом преодоление в обществе вражды и ненависти, рост взаимопонимания и утверждение социальной справедливости. Соревнование в интеллектуальной и культурной сфере, так же как и в экономической жизни, по его мнению, являлось жизненно необходимым для динамичного и здорового общества. Позднее Я. А. Новиков перешел на позиции психологической школы.

В полемике об отношении естественных наук к социологии среди оппонентов Я. А. Новикова выделялись представители левой части европейского политического спектра. Например, темпераментный и резкий в суждениях польский социалист К. Келлес-Крауз (K. Kelles-Krauz) считал возможным отнести Я. А. Новикова к «дилетантам вульгарной биологической социологии», «которые в стремлении к внешнему блеску естественнонаучной учености усваивают одновременно и теории социального организма, и теорию борьбы за существование и подбора, обеспечивающих всегда победу в обществе “лучшим”»¹. Один из лидеров европейских социал-демократов Э. Бернштейн (E. Bernstein), посвятил книге Я. А. Новикова «Расточительность современных обществ»² специальную статью. Аттестуя автора как «ортодоксального манчестерца», рецензент находил, что многое в книге Я. А. Новикова «для нас гораздо симпатичнее, чем его естественнонаучная манчестерская политическая экономия»³. Чем более человеческое общество

¹ Келлес-Крауз К. Очерк истории социологии // Зомбарт В., Келлес-Крауз К. Социологические этюды / под ред. В. В. Битнера. СПб.: В. В. Битнер, 1904. С. 27.

² См.: Novicow J. Les Gaspillages des sociétés modernes. Contribution à l'étude de la question sociale. Paris: Félix Alcan, 1894.

³ В 1904 г., откликаясь на новейшие явления европейской политической жизни и отвечая увлеченным идеями интервенционизма оппонентам-социалистам,

удаляется от своего примитивного типа, отмечал автор статьи, тем менее приложимы к нему законы естествознания. Но применение естественноисторического метода к политической экономии уничтожает или игнорирует различие между миром природы и человека. Понимая под «естественным» то, что вполне соответствует сущности человеческих произведений и общественных учреждений, то, что с необходимостью из них вытекает, Э. Бернштейн приходил к выводу: мы решаем проблемы общества согласно естественным законам, «но это — общественные законы, вытекающие из природы общества, но не переносимые из природы на общество»¹.

Я. А. Новиков был широко известен в Европе как социолог и публицист, способный откликаться на актуальные проблемы современности и соединяющий в своих работах «широкий кругозор и объективность социолога» «с редким по силе и образности языка талантом полемиста»². Свои теоретические разработки он использовал при анализе актуальных проблем мировой политики и составлении планов политического переустройства Европы³. Откликаясь на полемику о будущем белой расы, Я. А. Новиков обращал внимание на необоснованность угрозы поглощения ее другими расами посредством экономической и военной экспансии, считал преувеличенной так называемую «желтую опасность»⁴.

Велики заслуги Я. А. Новикова в институционализации европейской социологической науки. Он был одним из основателей и первым

Я. А. Новиков с сожалением, но и оптимизмом писал: «Вот уже несколько лет, как эта формула (*laissez faire, laissez passer*. — М. С.) совершенно дискредитирована. Высеять ее и приписать ей все беды общества стало хорошим тоном. Сейчас название “манчестерец” является чуть ли не ругательством и воспринимается как нечто враждебное народным массам... Англичане увлечены протекционизмом Чемберлена, немцы — милитаризмом Бисмарка. Последние, будто во хмелю, твердят ужасное социальное богохульство: “сила первенствует над правом”. Но все эти грубые заблуждения преходящи. Французы ушли от нетерпимости, англичане уйдут от протекционизма, немцы — от милитаризма. Такова же судьба формулы *laissez faire, laissez passer* в том смысле, что рано или поздно к ней возвратится весь мир» (*Novicow J. La formule «laissez faire, laissez passer» et le socialisme // Revue internationale de sociologie. Paris: V. Giard & E. Brière, 1904. № 8—9. P. 603, 609*).

¹ Бернштейн Э. Очерки из теории и истории социализма / пер. С. С. Штейнберга. СПб.: Б. Н. Звонарев, 1902. С. 102—114.

² Вестник Европы. 1912. № 6. С. 391—392.

³ См.: *Novicow J. La Missione dell' Italia. Milano: Fratelli Treves, 1903; Novicow J. L'Alsace-Lorraine obstacle à l'expansion allemande. Paris: Félix Alcan, 1913* и др.

⁴ См.: *Novicow J. L'Avenir de la race blanche. Critique du pessimisme contemporain. Paris: Félix Alcan, 1897.*

вице-президентом Международного социологического института в Париже, влиятельным членом Парижского социологического общества, читал лекции в Брюссельском новом университете и в Русской высшей школе общественных наук в Париже, много публиковался в западной научной периодике.

Культурно-исторические и общественно-политические корни русской цивилизации Я. А. Новиков рассматривал в рамках либерального социально-философского дискурса. Он полагал, что «история была к России еще более сурова, чем природа»: ощущение постоянной внешней угрозы способствовало сосредоточению у центральной власти огромных полномочий. Собственная история наделила народ глубоким смирением и фатализмом, вынуждая его восполнять отсутствие политической свободы большой вольностью личной жизни. Поскольку в генезисе российской государственности значительная роль принадлежала насилию, сформировалась и до сих пор существует устойчивая иллюзия, что «безоглядная жестокость власти есть альфа и омега политической мудрости». Архаичность и суровость укорененных в российской почве традиций (крепостное рабство, телесные наказания) Я. А. Новиков, в отличие от многих на Западе, объяснял не природной жестокостью русских, а их «отставанием в области идей» — сохраняющейся верой в историческую необходимость строгих установлений, когда другие народы уже расстались с этим заблуждением¹.

В российской и мировой истории Я. А. Новиков находил подтверждение истинности универсального социологического закона, согласно которому объем полномочий, передаваемых центральному правительству, прямо соответствует политической нестабильности в стране. По его мнению, идея самодержавия утвердилась в Велико-россии не вследствие особой предрасположенности русской «расы» к абсолютной монархии, а в силу определенных исторических обстоятельств и уже теряет свою привлекательность в культурных слоях общества, оценивших и признавших преимущества народного представительства. В отличие от русских традиционалистов, «питающих глубочайшее презрение к парламенту» и «почитающих его низменным и плебейским учреждением», Я. А. Новиков видел в «парламентских компромиссах» систему сдержек и противовесов, посредством

¹ *Novicow J. Russian People: A Psychological Study // Rambaud A. The Expansion of Russia: Problems of the East and Problems of the Far East. N. Y.: Scott-Thow Co., 1904. P. 237, 159—160.*

которых поддерживается социальное равновесие и обеспечивается «величайшее возможное уважение к правам личности». Он отвергал народнический тезис о самобытности русской цивилизации и утверждение о том, что общинная собственность ставит русский народ на высокий пьедестал братства и социальной справедливости; в крестьянской сельской общине он обнаруживал лишь «архаичную и несовершенную форму землевладения»¹.

Обращаясь к русской политической традиции, Я. А. Новиков отмечал, что, кроме Петра I, Россия почти не знала выдающихся политических деятелей; они по большей части были консерваторами, одержимыми узкими предрассудками и архаичными идеалами. Он видел положительные результаты либеральных реформ Александра II и отмечал, что за ними последовала политическая реакция, принявшая форму узкого русского национализма и православного клерикализма, а политическое сознание России все еще остается очень размытым, мистичным и пронизанным патернализмом².

С позиций либерализма и индивидуализма Я. А. Новиков подходил к оценке вероисповедной политики государства. Считая Россию страной государственного православия, он признавал невозможной здесь свободу совести: религиозная свобода не есть веротерпимость в узком смысле (готовность терпеть рядом с собой представителей других конфессий), а «предполагает признание нерушимости священного права проповедовать то, что человек принимает как истину». Социокультурные традиции и историко-религиозный опыт России, по мнению Я. А. Новикова, свидетельствуют, с одной стороны, о слабой взаимосвязи общества и церкви, отсутствии глубокой сердечности и симпатии между священником и паствой, с другой — «о глубокой потребности в религии, терзающей русскую душу в ее самых потаенных глубинах». Эта потребность не может найти удовлетворения в рамках официальной церкви, совершенно мертвой как доктринально-теологический институт и «столетиями прозябающей в формах бездуховного казенного жречества». Отсюда — умножение религиозных сект, приверженцы которых, каковы бы ни были их заблуждения, «являют миру все бесподобные достоинства новообращенных: чрезвычайную честность, беспредельную преданность и готовность к величайшему самопожертвованию».

¹ Novicow J. Russian People... P. 207, 210—213, 217, 219, 224—225.

² Ibid. P. 243, 248, 237.

«К несчастью, — отмечал Я. А. Новиков, — нынешнее правительство России, сбившееся с пути под влиянием неумеренной любви к внешнему бюрократическому порядку, ...преследует их с разнообразной и неизменно неэффективной жестокостью»¹.

Являясь гласным Херсонского губернского земского собрания, Я. А. Новиков участвовал в земском либеральном движении. На общероссийских съездах земских и городских деятелей (июнь—июль 1905 г., Москва) он поддержал выдвинутый либеральной оппозицией проект конституции, выступал за создание полномочного двухпалатного парламента, но был против планов властей по учреждению ограниченного народного представительства (так называемой Булыгинской думы), был сторонником предоставления избирательных прав женщинам, введения местной автономии².

* * *

Последнее десятилетие XIX в. было отмечено изменением политической ситуации в мире, возникновением новых центров силы и обострением противоречий между ведущими мировыми державами. Их соперничество и борьба за сферы влияния вели к росту международной напряженности, гонке вооружений, войнам за передел мира (испано-американская 1898 г., англо-бурская 1899—1902 гг. и др.) Рост милитаризма и угроза глобального вооруженного конфликта были серьезным поводом для размышления о возможностях предотвращения угрозы европейской войны, поиска ненасильственной альтернативы развития международных отношений. Парламентаризм как новое явление общественно-политической жизни, социальное реформаторство и подъем либеральных идей стимулировали рост антивоенных настроений и пацифистского движения. Пацифизм как определенный тип миротворчества выступал в виде идейно-политического течения, основу которого составляли философия ненасилия, антимилитаризм, принцип достижения мира ненасильственными, прежде всего социально-этическими и международно-правовыми, средствами³.

¹ Ibid., *Novicow J. Russian People...* P. 181—183, 194—200.

² См.: Либеральное движение в России. 1902—1905 гг. М.: РОССПЭН, 2001. С. 249, 251, 273, 291.

³ См.: *Илюхина Р. М. Российский пацифизм вчера и сегодня.* М.: ИВИ РАН, 1992. С. 13, 4 и др.

Противостояние идеологов войны и проповедников мира усилилось¹. Общества мира распространились по всей Европе и Северной Америке. Была основана межпарламентская конференция по вопросу международного арбитража (позднее — Межпарламентский союз), стали собираться всеобщие конгрессы мира, которые создали в Берне (Швейцария) Международное бюро мира. Колоссальный успех имела книга видного деятеля пацифистского движения Н. Энджелла (N. Angell) «Великое заблуждение» (The Great Illusion, 1910), посвященная обличению милитаризма и опровержению известной политической мудрости, согласно которой военные захваты являются непрямым условием процветания государства. Понимая недостаточность нравственного обличения войны, автор перевел вопрос на почву экономической науки и показал, что война есть зло не только в моральном, но и в экономическом смысле, не приносящее победителю ничего, кроме ущерба. Накануне мировой войны книга Н. Энджелла была голосом благоразумия, а выпавший на ее долю успех («Великое заблуждение» было переведено на 25 языков, а тираж за полтора года превысил два миллиона экземпляров) показывал, что голос этот — отнюдь не «глас вопиющего в пустыне»².

¹ Например, Ф. Ницше утверждал, что война необходима: «Ожидать от человечества еще большего (или даже очень многого), когда оно отвыкает воевать, — значит обнаруживать пустую мечтательность, праздно простодушие; ...такое высококультурное и оттого по необходимости утомленное и вялое человечество, как современные европейцы, нуждается не только в войнах вообще, но в величайших, ужасающих войнах, — следовательно, и во временных возвратах к состоянию варварства...» (Ницше Ф. Собрание сочинений. Т. IV. Человеческое, слишком человеческое. Книга для свободных умов / пер. с нем. М.: М. В. Ключин, 1901. С. 343, 344). Отставной генерал и военный историк Ф. фон Бернгарди, взявший слова Ф. Ницше эпиграфом своей книги «Германия и будущая война» (1912), с горечью наблюдал, как его соотечественники теряют былую воинственность и превращаются в нацию сытых мещан. Отмена войн, по его мнению, привела бы к упадку цивилизации и деградации человечества, ибо тогда «низшие или деморализованные расы» смогли бы легко подчинить себе «здоровые расы». Государства и нации должны подтверждать свой державный статус: или постоянно наливать мощью, или сойти с исторической сцены. Генерал был убежден, что политические задачи Германской империи «не выполнимы и не разрешимы без меча». Книга Ф. фон Бернгарди получила широкую известность и не только в Германии (Бернгарди Ф. фон. Современная война / пер. с нем. Т. 1—2. СПб.: В. Березовский, 1912).

² См.: Энджелл Н. Великое заблуждение: Эюд об отношении военной мощи наций к их экономическому и социальному прогрессу / пер. с англ. Челябинск: Социум, 2017.

Российский пацифизм был связан с западноевропейской либеральной традицией и в своей эволюции шел по разным направлениям (философско-этическому, международно-правовому, экономическому), выдвигая видных проповедников мира (И. С. Блюх, Л. А. Комаровский, Ф. Ф. Мартенс, В. Н. Тенишев, М. А. Энгельгардт и др.) Связывая пропаганду идей мира с развитием демократических начал и возрастанием силы общественного мнения, российские пацифисты стремились к социальному миру и согласию внутри страны, считали его залогом мира в отношениях между народами¹. Я. А. Новиков, как и многие российские либералы, полагал, что движение за мир неизбежно «вытекает из психологии цивилизованного человечества и неудержимо входит в жизнь, побеждая стихийное сопротивление отживающих предрассудков и заинтересованные противодействия кругов, живущих войной и военными настроениями»².

В острой полемике о войне и мире российским миротворцам противостояли прежде всего общественно-политические силы радикального и националистического толка. Их активность и значительное влияние на массовое сознание были обусловлены исторической традицией и особенностями российской политической культуры (войны способствовали формированию милитаризованного сознания, оправдывающего насилие в качестве средства решения задач общественного развития; авторитаризм подавлял альтернативное политическое мышление, но питал радикально-революционные

¹ См.: *Илюхина Р. М.* Российский пацифизм вчера и сегодня... С. 13, 21 и др.

² См.: *Слонимский Л. З.* О пацифизме. [Рец. на: *Милуков П. Н.* Вооруженный мир и ограничение вооружений. СПб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1911] // *Вестник Европы*. 1911. № 12. С. 321—326.

Такие предрассудки и такие настроения были в определенных кругах российского общества. Показательны в этом отношении статьи о пацифизме в «Новом времени» (конец 1911 — начало 1912 г.) «богатыря русского политического сыска» Л. А. Ратаева. Его взгляд на войну и ее роль в мировом историческом процессе в главном совпадает с взглядом Ф. фон Бернгарди: «...Не надо ни минуты забывать, что так называемый “интегральный” пацифизм, относящийся отрицательно к какой бы то ни было войне... содержит в себе семена разложения, ведущего народы к распаденю и рабству. Не только вечный, но даже слишком продолжительный мир был бы несчастьем для человечества. Он породил бы крайнюю изнеженность и чрезмерную приверженность к земным благам и тем подавил бы способность к высшим, самым благородным проявлениям человеческого духа и произвел внутреннее разложение — более разрушительное, чем самая кровопролитная война» (цит. по: *Платонов О. А.* Терновый венец России. Тайная история масонства 1731—2000. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Русский вестник, 2000. С. 759).

настроения и т.д.). Пацифистов не только упрекали в «непротивлении», «мечтательности» и «утопизме». Очевидное сближение пацифизма с либерализмом давало повод для обвинений его в попытке протащить на российскую почву чужеродные идеи, представляющие опасность для «священных охранительных начал, на которых стоит и держится Русская земля и Русское государство». В правой прессе о пацифизме говорилось как об «опаснейшем противогосударственном кадетско-масонском сообществе», которое «обогастило собою и без того обширную коллекцию конституционных мерзостей и прорех в русской государственности»¹.

Когда невиданная по масштабу война уже подходила к порогу европейского дома, П. Н. Милюков замечал, что «яростное сопротивление идеям пацифизма идет из немногочисленных кругов профессионалов и фанатиков воинствующего “национализма”, и нет оснований опасаться, чтобы хищническая психология идеологов «национализма» могла когда-нибудь сделаться психологией образованного общества»². Вместе с тем он справедливо указывал на то, что общественное движение в пользу мира имеет свою основу не в доводах отвлеченной морали, а в реальных требованиях жизни, и считал необходимым ознакомить русских читателей с книгой Н. Энджелла о «великом заблуждении» — иллюзии выгоды успешной войны при современных условиях культурного быта. Позднее П. Н. Милюков признал, что книга Н. Энджелла его «совершенно ошеломила», но из доказательства катастрофической разрушительности будущей войны отнюдь не следовал вывод о ее полной невозможности. В предчувствии европейского вооруженного конфликта великие державы усиленно вооружались, и «великая иллюзия» грозила великим разочарованием³.

С середины 1890-х гг. Я. А. Новиков принимал участие в движении сторонников мира, был активистом ряда пацифистских организаций, в том числе Международного бюро мира, выступавшего

¹ Цит. по: *Илюхина Р. М., Сдвижков Д. А.* Российский пацифизм и западное миротворчество в начале XX века. (Становление и деятельность российских обществ мира) // Долгий путь российского пацифизма. Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России / отв. ред. Т. А. Павлова. М.: ИВИ РАН, 1997. С. 198.

² *Милюков П. Н.* Вооруженный мир и ограничение вооружений. СПб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1911. С. 3.

³ *Милюков П. Н.* Воспоминания (1859—1917). Т. 2. М.: Современник, 1990. С. 38, 39.

за разоружение, учреждение международных судов и разрешение споров между государствами посредством обязательного арбитража (в 1910 г. Международное бюро мира получило Нобелевскую премию мира); в 1897—1907 гг. он входил в руководство всеобщих конгрессов мира. Большинство его выступлений было посвящено вопросам европейской безопасности и положению в России. Подчеркивая связь демократических и пацифистских требований, Я. А. Новиков заявлял на конгрессе в Руане (1903), что говорит «от имени 160 миллионов, потому что в моей стране никогда не существовало свободы печати и слова. Но в тот день, когда мы сможем говорить, вся страна присоединится к вам». Осуждая на конгрессе в Люцерне (1905) Русско-японскую войну, Я. А. Новиков выступал «от имени всех русских друзей мира»¹. Указывая на положительную необходимость мира, нарушение которого неминуемо приведет к разорению и деградации, не говоря уже о многочисленных жертвах, Я. А. Новиков считал важным показывать опасность льстящих национальному тщеславию завоевательных устремлений «ура-патриотов» и шовинистов, давать отпор их агрессивным требованиям и призывам к военным авантюрам.

Фундаментальное исследование Я. А. Новикова «Борьба между человеческими обществами и ее последовательные стадии»² выдвинуло его в ряд «ведущих европейских авторитетов в области социологии войны». В получившей широкий общественный резонанс книге «Война и ее мнимые благоденствия» он показал пагубные социально-экономические и политические последствия современной войны³. Исследуя феномены «насилие» и «сотрудничество», он приходил к выводу, что лучшим способом предотвращения войн может быть создание федерации европейских государств. Уходящая корнями в историю и культуру Европы идея ее единства была близка Я. А. Новикову. Этой теме он посвятил большую работу «Федерация Европы»⁴, которая, по мнению одного из рецензентов, стала

¹ Цит. по: *Илюхина Р. М., Сдвижков Д. А.* Российский пацифизм и западное миротворчество в начале XX века... С. 193.

² *Novicow J.* Les luttes entre Sociétés humaines et leurs phases successives. Paris: Félix Alcan, 1893.

³ *Novicow J.* La Guerre et ses prétendus bienfaits. Paris: Armand Colin, 1894. Книга много раз издавалась в Европе и США. Одно из изданий вышло с предисловием Н. Энджелла: *Novicow J.* War and its Alleged Benefits / With an introduction by Norman Angell. L.: William Heinemann, 1912.

⁴ *Novicow J.* La Fédération de l'Europe. Paris: Félix Alcan, 1901.

великолепным введением в европейскую мирную доктрину доверенного времени и удобным путеводителем по миру антивоенной аргументации¹.

Важной проблемой Я. А. Новиков считал формирование нового, основанного на принципах ненасилия и уважения прав народов политического мышления. Увы, по его мнению, в начале XX в. Европейская аристократия была уже не способна взять на себя ведущую роль в этом процессе, поскольку представляла собой «тело, зараженное» войной, «влачащееся по дну средневековой мысли», «реакционное, консервативное или ханжеское». Современная буржуазия была «приведена в сцепление с социализмом» и находилась в лагере милитаризма и национализма. Некоторые надежды он связывал с пролетариатом, более других заинтересованным в международном союзе (европейской федерации), способным дать этому классу средство подняться над нищетой и расширить свой политический горизонт. Видя консолидацию и усиление милитаристских сил в начале XX в., Я. А. Новиков задавался вопросом, каким образом возможно вывести пацифистское движение «из детского и простоватого сентиментализма». «Желанием жить в облаках мы делаем себя смешными, — с сожалением констатировал он. — На этом направлении пацифизм осужден на неизбежный провал подобно сен-симонизму и другим гуманитарным мечтаниям»².

Своими сочинениями, ставшими научным фундаментом антивоенного активизма, а также практической деятельностью Я. А. Новиков способствовал постепенному превращению религиозно-философской идеи мира в идейно-политическое течение международного миропорядка и уважения прав народов. На рубеже XIX—XX в. миротворческая максима ненасилия была искренним и решительным протестом против агрессии и войны, но ей не суждено было стать императивом мировой политики, способным указать реальные пути разрешения глобальных противоречий, обуздать в международном масштабе энергию ненависти

¹ См.: Данген П. И. Блох и Я. Новиков — российские миротворцы на рубеже столетий // Долгий путь российского пацифизма. Идеал международного и внутреннего мира в религиозно-философской и общественно-политической мысли России / отв. ред. Т. А. Павлова. М.: ИВИ РАН, 1997. С. 209—213.

² См.: Гросси В. Пацифизм: долгий путь к созданию доктрины (1867—1902) // Пацифизм в истории идеи и движения мира / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1998. С. 106, 108—109.

и разрушения. В судьбе российского пацифизма отразилась судьба самого российского либерализма, не сумевшего завоевать симпатии широких масс и оставшегося в конечном счете на периферии политического процесса.

* * *

Потомственный почетный гражданин, 1-й гильдии купец Яков Александрович Новиков был известен в Одессе своей общественной и благотворительной деятельностью. В течение тридцати лет он был гласным Одесской городской думы (в последние годы был председателем финансовой и бюджетной комиссий думы), где занимался вопросами местной экономики, финансов, городского хозяйства. В разные годы он был выборным Одесского купеческого сословия и его старшиной, избирался членом Одесского комитета торговли и мануфактур и Одесского коммерческого суда, кандидатом в члены Одесского биржевого комитета. Кроме того он являлся директором Одесского попечительного комитета о тюрьмах, попечителем городских народных училищ, руководителем и членом многих обществ и комиссий¹.

Почти тридцать лет Я. А. Новиков был попечителем Одесской городской публичной библиотеки, передав в ее фонд более 1 тыс. томов преимущественно научной литературы на европейских языках. После смерти благотворителя его родственники передали в дар библиотеке еще несколько тысяч книг из его личного книжного собрания. В библиотеке хранится и Острожская библия Ивана Федорова (1581), приобретенная на средства, пожертвованные И. С. Новиковым — прадедом Якова Александровича. Много книг с экслибрисами Я. А. Новикова имеется в научной библиотеке Одесского университета².

¹ Из Адреса-календаря Одесского градоначальства на 1901 г. можно узнать, например, что Я. А. Новиков являлся, помимо прочего, членом Одесского городского по фабричным и горнозаводским делам присутствия, председателем Одесского городского кредитного общества, членом Учетного комитета Южно-Русского промышленного банка, председателем попечительского совета Одесского коммерческого училища, почетным членом Одесского городского попечительства детских приютов. (См.: Адрес-календарь Одесского градоначальства на 1901 год. Одесса: Тип. Штаба Одесского округа, 1900. С. 133, 134, 138, 167, 215.)

² См.: *Ижик Л. В.* Книжные знаки одесских библиофилов. Одесса: ОННБ им. М. Горького, 2013. С. 81—87.

В 1892 г. Я. А. Новиков подарил одесскому подворью Свято-Пантелеимоновского монастыря на Афоне соседний земельный участок с дарственной надписью: «...для устройства церкви и служб, в которых начальствующим монастыря встретится надобность в видах доставления паломникам, путешествующим к Святым местам, приюта и душевного упокоения...» По воле дарителя современники не узнали о подробностях этого приобретения монастыря, а именно о том, что участок земли был куплен Я. А. Новиковым у бывшего владельца за 52 тыс. руб. (огромная по тем временам сумма, превышавшая в несколько раз рыночную стоимость участка)¹. На территории подворья был построен и в конце 1895 г. освящен большой пятикупольный Собор Пантелеимона Целителя с гостиницей, способной принимать до 600 богомольцев и паломников.

В 1885 г. Я. А. Новиков женился на графине Александре Николаевне Ростовцевой (1865—1916) — внучке видного государственного и военного деятеля, одного из главных разработчиков крестьянской реформы 1861 г. Якова Ивановича Ростовцева (1804—1860). По случаю обнародования манифеста об освобождении крестьян в память о заслугах отца его сыновья были возведены в потомственное графское достоинство. Отец А. Н. Ростовцевой граф Николай Яковлевич Ростовцев (1831—1897), генерал-майор, в 1880-е гг. служил в Одесском военном округе². А. Н. Ростовцева была достойной спутницей жизни Я. А. Новикова; имея хорошее образование и широкие интересы, она участвовала в общественной и культурной жизни Одессы. Новиковы имели трех сыновей, старший из которых безвременно ушел из жизни в 1904 г. в возрасте 17 лет³. Другой сын Максимилиан (родился в 1888 г.) проживал

¹ Афонское Пантелеимоновское подворье в Одессе / Русский Афон. Православный духовно-просветительский портал о русском монашестве на Святой Горе Афон [Электронный ресурс]. URL: <http://afonit.info/biblioteka/istoriya-russkogomonastyruga/afonskoe-panteleimonovskoe-podvore-v-odesse> (дата обращения: 06. 05. 2017)

² В 1890-е гг. Н. Я. Ростовцев — генерал-лейтенант (1892), военный губернатор и командующий резервными и местными войсками Самаркандской области. (Подробнее о нем см.: Назарьян Р. Губернатор Самарканда [Электронный ресурс]. URL: <http://www.webcitation.org/67bWGZA62> (дата обращения: 07.08.2017)

³ Еще одну семейную трагедию Я. А. Новиков пережил в юности. Летом 1866 г. во время прогулки на озере в окрестностях Женевы лодка, в которой находился Яков, его брат и сестра, перевернулась; брат и сестра утонули, и только ему удалось спастись. См.: Южная мысль. 1912. № 208. 10 (23) мая.

в своем имени в Аккермане¹. О младшем сыне известно, что в 1912 г. он в возрасте 18 лет обучался в Петербурге в Институте гражданских инженеров.

Следуя этике ненасилия, веря в социальный прогресс на путях культуры и просвещения, Я. А. Новиков избегал душной российской атмосферы строгих идеологических регламентаций и цензурных ограничений. С середины 1890-х гг. он часто выезжал за границу и работал там. Зарубежные коллеги аттестовали его как «интернационалиста из интернационалистов», он же называл себя «натурализовавшимся европейцем» и «добрым европейцем». Его научные и публицистические работы, написанные преимущественно на французском языке, переводились и издавались во многих странах (среди рецензентов Э. Бернштейн, Р. Вормс, П. А. Сорокин и др.), но были почти неизвестны в России. По мнению Е. В. Де-Роберти, последнее можно объяснить не только стремлением Я. А. Новикова быть свободным от строгостей российской цензуры в связи с имевшейся в его книгах критикой внутренней политики и общественных порядков России, но и желанием сохранить уже завоеванный и сочувствующий ему широкий круг европейских читателей. При этом во всех своих французских книгах Я. А. Новиков оставался именно русским писателем в лучшем смысле слова, «и этой именно чертой, весьма возможно, привлекал к себе внимание и симпатию заграничной публики»². Развитие общественно-политической ситуации в стране уже в XX в. не изменило отношения к наследию ученого; работы его так и не пришли к широкому читателю в России³.

¹ В 1909 г. М. Я. Новиков женился на Варваре Анатольевне Докс — дочери аккерманского почетного мирового судьи А. Ф. Докса. Примечательно, что В. А. Докс была внучкой Каролины Викентьевны Докс, которая во втором браке была замужем за Федором Михайловичем Гамалеем — участником Отечественной войны 1812 г., управляющим Одесской портовой таможней (1830—1834), председателем Одесского коммерческого суда (1835—1853). В их многодетной семье 12-м ребенком был Николай Федорович Гамалея (1859—1949) — впоследствии видный ученый в области микробиологии, академик.

По сведениям одесских краеведов, в 1913—1916 гг. М. Я. Новиков издавал газету «Аккерманское слово», а во время Первой мировой войны оборудовал на свои средства лазарет Аккерманского земства в Киеве.

² Вестник Европы. 1912. № 6. С. 390, 391.

³ Исключение составляют: *Новиков Я. А. Война и ее мнимые благодеяния* / пер. с франц. Я. С. Балабана. [Вып. 1.] Одесса: Знание, 1899 (фрагмент брошюры); *Новиков Я. А. Будущность белой расы. Критика современного пессимизма* / пер. с франц.

Знавшие Я. А. Новикова лично отмечали, что ему всегда были свойственны энергия, жизнелюбие и общительность. Часто бывая за границей, особенно в Париже, Яков Александрович отличался изысканной галантностью истинного европейца. Весной 1912 г. полный жизни и весьма деятельный Я. А. Новиков заболел. Проведенное в Германии медицинское обследование подтвердило тяжелый диагноз. 8 мая в одной из одесских клиник Яков Александрович скончался. Печальное событие вызвало сочувственный отклик у многих. Р. Вормс отмечал, что свои основательные знания Я. А. Новиков приобрел, прочитав несметное количество книг, совершив множество путешествий и общаясь с людьми. «Все написанное им есть плод труда человека действия, предпринимателя, но также убежденного и щедрого душой идеалиста». Особо подчеркивалось, что как ученый и общественный деятель он всегда оставался самим собой. «Каждая из многочисленных книг господина Я. Новикова отмечена его оригинальным своеобразием. Он никогда никого не повторял»¹. Одесские газеты публиковали материалы памяти Я. А. Новикова, сходясь во мнении, что с его смертью «с поприща городской деятельности сходит весьма видная и колоритная фигура». Отмечалось, что «его широкая просвещенная натура, жаждавшая деятельности в области научных знаний, выходила из тесной рамки торгово-промышленной деятельности», а его последний труд об Эльзасе и Лотарингии вызвал одобрение французского правительства, которое «наградило его орденом кавалера Почетного Легиона»².

* * *

Я. А. Новиков был представителем либерального направления общественной мысли и общественного движения, сформировавшихся в России в первые пореформенные десятилетия и набравших силу к началу XX века. Он разделял ведущую идею и главное программное положение российского либерализма, а именно — стремление

СПб.: Ф. Н. Латернер, 1900; 2-е изд. под названием: *Новиков Я. А. Борьба Европы с Китаем. Будущность белой расы* / пер. с франц. СПб.: Ф. Н. Латернер, 1901; а также несколько статей, преимущественно фрагментов и глав из книг.

¹ *Revue internationale de sociologie*. 1912. № 6. P. 481, 483.

² *Одесские новости*. 1912. № 8716. 9 (22) мая; *Одесский листок*. 1912. № 107. 9 (22) мая. Я. А. Новиков был последним канатчиком династии. Его наследники не пожелали заниматься производством. В период Гражданской войны фабрика была разобрана и прекратила существование на одесской земле.

реформировать самодержавие в буржуазное государство европейского типа. Экономико-теоретические построения Я. А. Новикова и его аргументация в защиту свободы торговли демонстрируют отличное знание социологом политической экономии.. Его выступления, отмеченные блестящей эрудицией и талантом полемиста, вызывали интерес своей смелостью и злободневностью, богатством фактического материала и точностью личных наблюдений, несомненными литературно-публицистическими достоинствами.

Сто лет назад правовед А. А. Борзенко, лично знавший Я. А. Новикова, отмечал, что для надлежащей оценки его научного наследия отсутствует необходимая историческая перспектива; прошло еще слишком мало времени, «чтобы был возможен всесторонний основательный суд над внесенным им вкладом в умственную сокровищницу современного культурного человечества, над улучшением быта которого Я. А. Новиков усиленно работал как писатель и как практический деятель»¹. Думается, что сейчас необходимая историческая перспектива для этого имеется.

Я. А. Новиков представлял совершенно нехарактерный для России того времени тип общественного деятеля, являвшегося одновременно крупным предпринимателем и имеющим мировую известность ученым. Однажды, принимая после поездки на всеобщий конгресс мира представителей прессы, он, шутя, сказал: «Вы думаете, что мы, миллионеры, ничего не делаем. Это не так. Я работаю много по разным вопросам. Я тоже пишу». И показал на свою библиотеку и свои сочинения на европейских языках, которыми владел в совершенстве².

М. М. Савченко

¹ Одесский листок. 1912. № 109. 11 (24) мая.

² Одесские новости. 1912. № 8716. 9 (22) мая.

Я. А. Новиков

ПРОТЕКЦИОНИЗМ

*Посвящается генерал-майору
графу Николаю Яковлевичу Ростовцеву*

*Считается нелишним
довести до сведения читателя,
что автор настоящей книги
сам промышленник.*

КНИГА I

ГЛАВА I

ОХРАНИТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Предположим, что один человек похитил 10 рублей у своего соседа; другой, исходатайствовав новую пошлину на сукно, заставил того же соседа платить лишних 10 рублей за свое платье. Спрашивается, есть ли какая-нибудь разница в последствиях, не юридических, конечно, а практических, этих двух действий? Понятно, никакой; ибо (как в первом случае, так и во втором) одно лицо потеряло известную сумму денег, которую оно могло бы употребить для своих нужд или удовольствий. Присваивать себе чужое, не давая ничего взамен, называется на всех языках кражей, если действие происходит тайно, и грабежом, если оно происходит явно. Продавец сукна не дал ничего взамен тех лишних 10 рублей, которые он заставил заплатить таможене. Можно, стало быть, заключить, что он нанес покупателю ущерб, тождественный воровству.

Сравнение
пошлины
с кражей...

Предположим далее, что какой-нибудь ловкий малый ухитрится постоянно похищать половину заработка другого человека. Этот последний, против своей воли, делит с ним свои доходы и становится его данником. Между этими двумя лицами устанавливаются экономические отношения, подобные отношениям между рабом и господином, ибо, раз человек не может пользоваться вполне плодами своих трудов, его нельзя назвать свободным гражданином.

...с данничеством
и рабством

Протекционизм налагает дань на всех потребителей. Он дает возможность одним лицам брать постоянный оброк с других. Следовательно, *протекционизм не что иное, как несколько смягченная форма рабства*. Производитель, охраняемый таможенной пошлиной, это господин, в пользу

которого все покупатели его продукта должны платить постоянную контрибуцию.

Скажут, быть может, что такое категорическое утверждение несколько преувеличено. Пусть, однако, читатель вдумается в него, и он убедится, что оно совершенно основательно; впрочем, я позволю себе пояснить его примером.

Случай
производства
зеркал

Возьмем какой-нибудь продукт, положим, зеркальные стекла¹. Фабрикантов зеркальных стекол у нас, в России, всего три: один в Лифляндской и два в Рязанской губернии². Назовем их А, В и С.

Все эти господа производят на 500 тыс. руб. зеркальных стекол в год. Они не могут удовлетворить потребности края, и каждый год Россия выписывает из-за границы на 1046 тыс. руб. зеркал. Предположим, что эти фабриканты зарабатывают 30% продажной цены своих продуктов; они, следовательно, получают ежегодно 166 тыс. руб. чистого барыша. Для того чтобы предоставить этот заработок трем лицам³, нас заставляют платить ежегодно 170 тыс. руб. пошлин на иностранные зеркальные стекла. Не равносильно ли это дани в пользу гг. А, В и С? Скажут, что эти господа не присваивают себе тех 170 тыс., которые заплачены казне в виде пошлины. Совершенно верно. Но для покупателя это безразлично: он все-таки, благодаря только существованию производств гг. А, В и С, платит за зеркальное стекло втрое дороже француза и англичанина. Деньги, уплаченные таможене, не поступают в карман наших трех фабрикантов, но, увы, они выходят из кармана потребителя, для которого одно это последнее обстоятельство чувствительно, и потому он, естественно, может упрекнуть

¹ Зеркала считаются у нас предметом роскоши. Но, так как почти ни в одном доме нельзя без них обойтись, то можно также с полным основанием сказать, что они — предмет первой необходимости.

² Гг. Амелунг, Беклемишев и братья Смольяниновы. См. записку г-на Крупского о стеклянных изделиях в Материалах для пересмотра таможенного тарифа, с. 23.

³ Заметим здесь, кстати, что, во-первых, эти лица могли бы быть не русскими, а иностранцами, которые, набив свои карманы у нас, возвратились бы потом преспокойно домой, и во-вторых, что производство зеркальных стекол, быть может, в свое время будет возможно в России даже без охранительных пошлин.

господ А, В и С в том, что они его обирают самым несправедливым образом¹.

Представьте себе, что в каком-нибудь государстве было бы издано такое распоряжение: начиная с 1 января, разрешается г-ну Икс взимать со всякого ковра, проданного в стране, 25% его стоимости. Прежде всего такое распоряжение вызвало бы, конечно, большое удивление. Все стали бы спрашивать, почему эта привилегия дана г-ну Икс, чем он ее заслужил и что он, в свою очередь, обязан сделать в пользу казны? Если бы впоследствии узнали, что г-н Икс не принял на себя ровно никакого обязательства по отношению к государству и что он только выделяет несколько тысяч ковров в год, то удивление сменилось бы негодованием: помилуйте, стали бы говорить, да разве мы крепостные г-на Икс, разве мы обязаны отдавать ему хотя бы самую ничтожную часть наших доходов без малейшего основания? Конечно, в наше время ни в каком европейском государстве нельзя будет издать такого распоряжения. О волшебное могущество слов! Нельзя сказать: для того, чтобы г-н Икс зарабатывал известную сумму в год, каждый гражданин будет платить за ковры 25% больше иностранцев, но можно сказать: для поощрения нашей промышленности налагается на ковры пошлина, равняющаяся 25% их стоимости. В сущности, выходит то же самое, с той только разницей, что в первом случае привилегированный промышленник назван по фамилии, а во втором — нет.

Мне могут возразить, что если у нас в настоящее время, например, только три фабриканта зеркальных стекол, то завтра их может быть 300. Но дело не в числе монополистов. Пока потребитель насильственно лишен возможности купить необходимые предметы по самой низкой цене, он может сказать, что его обирают; будь это в пользу одного человека или миллиона людей — для него совершенно безразлично и одинаково несправедливо.

Можно еще утверждать, что внутренняя конкуренция доведет до минимума цену на предметы и на услуги; но

¹ Нельзя также утверждать, что эта высокая пошлина нужна для государства, ибо если пошлина была бы не так значительна, казна получила бы больше дохода.

**Привилегии
без обязательств**

**Несправедли-
вость**

в этом утверждении кроется формальное противоречие. В самом деле, нет никакой возможности выйти из следующей дилеммы: или внутреннее производство удовлетворяет внутренние рынки, или нет¹. В первом случае нет никакой надобности в покровительственной пошлине, а во втором — она все-таки составит несправедливое обирание.

Нет никакого основания облагать ввозимый в Россию хлеб, так как мы сами вывозим его в громадном количестве; но когда его облагают в Германии, где внутреннее производство не удовлетворяет потребностям края, то заставляют всех потребителей хлеба платить дань тем землевладельцам, которые его производят.

Если бы какой-нибудь промышленник сделал такого рода предложение правительству: вы обложите высокой пошлиной такой-то продукт, а я, со своей стороны, обяжусь доставлять его в безграничном количестве и по цене, не выше иностранных фабрикантов, — можно было бы еще, пожалуй, согласиться с таким предложением: один подданный получил бы большую прибыль без ущерба для других. Но на деле выходит совершенно не так. Если промышленник может производить какой-нибудь продукт даже дешевле своих иностранных конкурентов, то он все-таки продает его по той цене, какую продукт имеет за границей, плюс таможенная пошлина. Никогда промышленник не отдает разницы своим соотечественникам, а кладет ее прямо себе в карман. Да и нельзя пенять на него: своя рубашка ближе

¹ Россия потребляет, например, в настоящее время около 20 000 000 пудов сахара в год, т.е. 8 фунтов на человека. В Англии в 1819 г. потребление сахара было по 20 ф. на человека в год, в 1857 г. — по 33 ф., в 1888 г. — по 77 ф. Ничто не доказывает, что эта прогрессия должна в будущем времени остановиться. Если бы русские потребляли по 77 ф. на человека, то нам надо было бы сахару по 209 800 000 пудов в год. Простора, как видно, для наших заводов еще немало. Если мы едим меньше сахара, чем англичане, то это только потому, что многие у нас не имеют возможности его купить в том же количестве. Уменьшите цену на сахар — и потребление его увеличится. То же самое можно сказать и обо всех других продуктах. Продавайте зеркальные стекла по такой же цене, как и другие, и каждый мужик будет их покупать для своей избы. Из всего этого можно заключить, что никакое производство не в состоянии будет удовлетворить потребностям какого бы то ни было рынка.

**Ниже цена —
больше
потребление**

к телу, говорит пословица. Промышленность — не благотворительное дело: каждый старается получить наибольшую пользу при наименьшей затрате труда; это — неотъемлемое право всякого гражданина. Дело государства, защитника общих интересов всех подданных, не позволять устанавливаться монополиям, не имеющим никакого оправдания. И странно! Всякий раз, когда государство сознательно выдает право на какую-нибудь монополию, необходимую в силу самой природы вещей (например, концессию на железную дорогу), оно принимает все меры предосторожности против лица или общества, которому выдана привилегия. Так, заранее определяется максимум цены, какую монополист может требовать за свои услуги. На него налагают разные обязательства в пользу общества; и чем выгоднее кажется предприятие, тем больше увеличивается количество обязательств. Бывает часто даже и так, что казна берет в свою пользу барыши, превышающие определенную норму. Все эти предосторожности, направленные против монополии, достойны высокой похвалы. К сожалению, они исчезают, как призрак, раз монополист не назван по фамилии. *На самом деле промышленник, охраняемый покровительственной пошлиной, есть не что иное, как монополист, не несущий никаких обязательств.* Но удивительное противоречие. Монополии явные, несущие обязательства, очень часто возбуждают в публике большое негодование, тогда как монополии тайные, совершенно лишние, волнуют очень немногих.

Говорят также, что охранительная пошлина нужна только временно, пока не окрепнет известная отрасль производства, она прекращается, как только эта отрасль достигает полного развития. Но обирать кого-либо в течение десяти лет или десяти часов одинаково несправедливо. Притом охранительная пошлина всегда налагается без определения дня ее отмены. Потребитель не имеет даже утешения знать, когда он перестанет платить несправедливую дань. Во Франции протекционизм был введен в 1667 г. Многие поколения французов легли в могилу, не увидав конца того порядка вещей, который им выставлялся как временный.

Суть промышленности и обязанности государства

Предосторожности в отношении явных монополий

Опасность тайных монополий

Несправедливость временных пошлин

Протекционизм
как социальный
строй

Итак: протекционизм есть социальный строй, при котором некоторые лица получают законное право вечно взимать дань со всех потребителей.

Теперь я постараюсь показать, что для общества это право, пожалуй, пагубнее тайных похищений и краж со взломом.

Отличие
от кражи

Прежде всего, обыкновенное воровство всегда производится бедными в ущерб богатым. Кто пойдет обирать бедняков, у которых ничего нет? Вор всегда метит на людей с состоянием; редко, однако, он может похитить все их имущество; обыкновенно он присваивает себе самую незначительную часть его, и обворованные продолжают жить так же хорошо, как и прежде. Кража со взломом редко создавала миллионные состояния. Это лучше всего доказывает, что украденные вещи в общем не составляют значительных сумм.

Совсем иное дело с обиранием посредством протекционизма: его всегда производит богатый в ущерб бедным; и в этом состоит его главная несправедливость¹.

Для того чтобы способствовать установлению охранительной пошлины, промышленник должен обрабатывать известный продукт, т.е. вложить какой-нибудь капитал в промышленное заведение. Стало быть, охраняемый промышленник — всегда человек с состоянием. Если благодаря пошлине его предприятие процветает, он становится все богаче и богаче. Тогда разница между его состоянием и бедностью лиц, которых он обирает, все более и более увеличивается, и действия его становятся все более и более несправедливыми.

Кроме того, суммы, отнимаемые у потребителей охраняемыми промышленниками, несравненно больше похищаемых воровством. Дренаж протекционизма делается маленькими и незначительными суммами, но так как он происходит постоянно, то они составляют в конце концов

¹ Так, в 1887 г. на юге России был страшный угольный кризис. Пуд минерального топлива стоил от 60—70 коп. Когда бедный люд дрожал в холодных помещениях, углепромышленники, конечно, жили в веселье и довольстве.

сотни миллионов¹. Многие фабрики, которые не могли бы существовать без охранительных пошлин, принесли своим владельцам колоссальные доходы.

Прибавим еще, наконец, что мошенничество, воровство, кража со взломом — все это случайные обстоятельства. Если принимать достаточные меры предосторожности, если окружать себя верными людьми, то в течение всей жизни можно не пострадать в своих интересах. От протекционизма же нет никакого спасения: обирание с его стороны происходит постоянно.

Ясно, что в материальном отношении протекционизм — злокачественнее воровства; но в нравственном отношении его последствия, быть может, еще хуже. Если вор настолько испорчен, что не чувствует угрызания совести, то он все-таки знает, что в глазах общества его гнусное занятие считается гадким и позорным; он знает, что для всех порядочных людей он — предмет отвращения, что все его избегают и ненавидят. Вот уже первое страдание для вора, ибо каждому приятно пользоваться сочувствием и уважением. Далее, если вор не живет под гнетом постоянных угрызений совести, то он всегда живет под страхом: он боится разоблачения своих поступков и строгого наказания. Итак, вор, если даже не будет пойман, терпит не мало страданий, являющихся карой за его преступление.

Совсем не то с охраняемым промышленником. Бедный человек, покупающий ситец для рубашки или сукно для кафтана, не знает, какая часть стоимости этих предметов составляет дань, уплачиваемую им фабриканту, ибо она

**Моральные
последствия
протекционизма
в сравнении
с воровством**

¹ В 30-х годах Мак-Кулох сделал расчет, что пошлина на хлеб стоила английским потребителям 20 млн ф. ст. в год (приблизительно 175 000 000 руб.). См.: *Richelot H. Histoire de la Reforme Commerciale en Angleterre.* Paris, 1853. Т. 1. P. 121. Во Франции в 1822 г. ввели пошлину в 55 фр. с головы крупного скота. Это равнялось подати в 37 500 000 фр., наложенной ежегодно на французский народ. См.: *Clément P. Histoire du Système protecteur en France.* Paris, 1854. P. 157. Английские сахарозаводчики добивались, как известно, в последнее время заключить международный договор для повсеместного уничтожения вывозных премий на сахар. Парламент отклонил их ходатайство, потому что было доказано, что принятие его составило бы налог в 2¹/₂% на заработную плату рабочих, получающих не более 20 шилл. в неделю.

Обирание
бедных

скрыта в продажной цене. Если бы он знал, что столько-то лишних процентов приплачивается благодаря протекционизму, то, конечно, почувствовал бы по отношению к промышленнику ту же самую ненависть, какую питают к деревенскому кулаку или ростовщику-еврею. Но этого нет. Фабриканты не наказываются общественным осуждением. Их принимают в самых уважаемых обществах, они окружены друзьями и пользуются иногда всеобщим сочувствием и уважением. В то же время промышленник, исходатайствовавший таможенную пошлину, не только не живет под страхом грозного наказания, но, напротив, получает всякого рода награды: медали, ордена, чины и другие почести. Наконец, вор может иногда чувствовать угрызение совести, тогда как совесть охраняемого промышленника почти всегда совершенно спокойна. Покупатели его теряются в общем безличии. Обирая иногда самых бедных сограждан, человек этот может не чувствовать никакого страдания от своего поступка, тогда как если бы он похитил хотя бы одну копейку прямо из кармана бедняка, он сам считал бы себя совершенно опозоренным.

Итак, хотя охраняемый промышленник причиняет гораздо более вреда народу, чем многие воры, его не карает ни общество, ни государство. Эта несправедливость порождает самые печальные последствия. Протекционизм создает самую безнравственную общественную атмосферу; он порождает, если можно так выразиться, дух постоянного *антипатриотизма*. Всем кажется, что надо думать только о себе и что неблагоприятно думать об интересах общих. Тот, кто защищает эти интересы, становится как бы подозрительной личностью. Я приведу здесь только один пример, но он покажет самым ярким образом, до какой степени бесстыдства и наглости доходят люди, зараженные протекционизмом.

Пример
бесстыдства
и наглости
протекционистов

Два года тому назад один английский пароход под командой капитана Виггиса пробрался через Ледовитое море и Енисей до Енисейска. Для того чтобы оценить всю важность этого обстоятельства, надо припомнить, что этот город отстоит на более чем четыре тысячи верст как от балтийских, так и от тихоокеанских портов. Если бы возможно

было установить судоходство между Енисейском и Европой, то громадная часть Сибири могла бы ожить. Сибирь — страна, где целые миллиарды рублей покоятся в недрах земли, страна, в которой при существовании дешевых путей сообщения могли бы жить десятки миллионов наших соотечественников. И вот, когда благодаря предприимчивости капитана Вигиса дешевый этот путь мог быть открыт, знаете ли, что сделали московские промышленники? Вы думаете, что они радовались и ликовали, что они послали капитану Вигису поздравительные адреса, что они обещали ему безграничное содействие? О нет, увы! Они беззастенчиво и не краснея стали ходатайствовать о том, чтобы было запрещено англичанам плавать по Енисею, ибо это могло повредить интересам *русской* (!) торговли. Эти господа находят совершенно правильным, чтобы громадная часть нашего отечества и, быть может, самая богатая оставалась страной заброшенной, невозделанной, бедной, дикой, только ради того, чтобы некоторым купцам сохранить свои барыши, или даже лучше сказать, свою рутину¹. И это смеют называть интересами русской торговли! Кто дает право некоторым купцам говорить от имени всего нашего отечества? Почему сибиряки менее русские, чем эти господа?²

Наша родина была завоевана когда-то татарами. Из Золотой Орды в известные периоды приходили баскаки и собирали у нас дань. Баскаки эти были неумолимы; во что бы то ни стало надо было платить, иначе дикие азиаты приходили и грабили всё. Благодаря геройству наших предков мы давно избавились от баскаков. Но, увы! мы подпали под

Протекционизм —
хуже ига
Золотой Орды

¹ Если хорошо вдуматься в этот факт, то окажется, что здесь на первом плане в самом деле лень и рутина, а не действительные интересы. Конечно, никакому русскому купцу не возбранялось бы плавать по Енисею, подобно англичанам, и это плавание принесло бы им гораздо больше барышей, чем получают они теперь от сибирской торговли. Но эти господа имеют известные привычки, которые они не желают менять. Для того чтобы не дать себе труда пуститься в новое предприятие, немало поработать, выказать некоторую смелость инициативы, эти господа находят совершенно естественным противодействовать процветанию Сибири. Как это просто и особенно каким высоким патриотизмом проникнуто такое поведение!

² Уничтожение кавказского транзита — тоже результат такого же беззастенчивого эгоизма некоторых московских промышленников.

более тяжелое иго наших господ промышленников. Баскаки приходили в Россию в известные периоды и брали заранее определенную дань; наши же промышленники берут дань круглый год и в безграничном количестве.

Пошлины вызы-
вают озлобление

Что такое налог

Когда предъявляют окладные листы государственного поземельного или другого сбора, если плательщик не стеснен в деньгах, он выплачивает эти налоги со спокойной душой. Таможенные пошлины, напротив, всегда возбуждают у всех особенное ожесточение и озлобление. Почему это так? Очень просто. Налог есть та часть дохода, которую каждый должен платить за услуги, оказанные государством. Мы отдаем наши деньги не для пользы администрации, а для своей собственной, как платим страховые премии не для обогащения акционеров страховых компаний, а для вознаграждения убытков на случай пожара. Чем больше мы платим налогов, тем больше казна может сделать для народа. Совсем не то бывает при охранительной системе, ибо чем выше пошлина, тем менее она дает дохода¹. Некоторым лицам приходится отдавать без малейшей пользы очень большую часть своих заработков, а казна благодаря этому самому обстоятельству получает меньше денег и может оказать гражданам меньше услуг. Уплативший высокую пошлину испытывает таким образом двоякое зло — прямое и косвенное. Вот почему чувствуется такое озлобление при уплате таможенных пошлин.

Генри Джордж очень остроумно приводит разговор трех американцев, возвращающихся на родину. Они все высказываются в пользу самой безусловной охранительной системы. Но некоторое время спустя они с особенным удовольствием рассказывают друг другу, каким образом им удалось надуть таможенных чиновников и провезти много предметов, не платя пошлины. Это противоречие между словом и делом совершенно понятно, ибо раз затронуты

¹ Заметим мимоходом, что очень часто охранительная система вводит не только высокие пошлины, но даже совершенное запрещение импорта. Тогда или иностранные товары не привозятся совсем, и казна не получает ничего; или они привозятся тайно, принося выгоду только контрабандистам — тоже своего рода паразитам, не производящим никакого богатства.

наши личные интересы, мы практикуем не теоретическую, а естественную политическую экономию. Таможенная пошлина есть не что иное, как взаимное обирание. Все это чувствуют, хотя иногда и смутно; и вот почему люди, которые неспособны присвоить себе чужую копейку, с особенным удовольствием надувают таможенню на целые сотни рублей. В этом случае каждый старается только сохранить то, что несправедливо хотят у него отнять.

Рассмотрим теперь несправедливость протекционизма еще с другой точки зрения.

Можно было бы рассуждать следующим образом. В настоящее время пуд пшеницы продается за 95 коп. Цена эта установлена международным рынком. Так как хлеб обходится в Англии и Франции не дешевле, то англичане и французы соглашаются платить за нашу пшеницу то, что они платят за свою. Благодаря этому обстоятельству пшеница доходит до такой высокой цены, что она становится малодоступной для большого количества русских. Всякий знает, однако, что пшеничный хлеб питательнее и приятнее ржаного. Спрашивается, зачем русскому народу отдавать свою пшеницу этим ненавистным иностранцам? Желательно, напротив, чтоб он сам имел лучшую пищу. Что ж, очень просто! — Стоит наложить вывозную пошлину на хлеб в 20 коп. с пуда, и иностранцы тотчас же начнут воздерживаться от покупки нашего хлеба. Хлеб сделается у нас дешевле, и масса наших соотечественников, которые едят теперь ржаной хлеб, будут есть хлеб пшеничный. Никакое правительство в наше время не рассуждает таким образом¹.

Напротив, правительства делают все, что от них зависит, для того чтобы поощрять продажу местных продуктов. Продажа эта не ограничивается никакими законодательными или административными мерами². Государства дают гарантии железным дорогам, строят дорогие гавани, совершенствуют приспособления для загрузки судов, издают

Пошлины
суть взаимное
обирание

Другой аспект
несправед-
ливости
протекционизма

¹ Хотя еще недавно правительства действительно рассуждали так.

² В конце декабря 1888 г. сахар стоил в Лондоне от 34 фр. 50 сант. до 36 фр. за 100 кг; в мае 1889 г. — от 51 фр. 25 сант. до 56 фр. 16 сант. Пользуясь этим повышением, сахарозаводчики стали посылать свой сахар в Англию. Никто им в этом не препятствовал.

Нет содействия
потребителям

специальные тарифы, словом, делают все, что от них зависит, для того, чтобы уменьшить всякие накладные расходы на вывозимые товары. В своей постоянной заботе о наших производителях нынешний министр финансов стал даже издавать за счет казны самые верные сведения о положении иностранных рынков, так что каждый теперь у нас знает, где можно сбыть свои продукты самым выгодным образом. Словом, правительства принимают всевозможные меры для того, чтобы производители могли продавать товары по самой высокой цене. Но отчего же они не принимают никаких подобных мер для того, чтобы потребители могли покупать товар по самой низкой цене? Меры для достижения этих двух целей должны бы, однако, всегда идти рука об руку. Благодаря попечительству правительства, я могу продать свою пшеницу за 95 копеек вместо 75. Но, с другой стороны, если за платье, за посуду, за стекло, за мебель, словом, за все вещи, необходимые для моей домашней обстановки, я должен заплатить на 50% дороже благодаря таможенным пошлинам, то что я выиграл? Правда, правительство дало мне возможность заработать лишних 20% на моей пшенице, но зато оно заставило меня заплатить лишних 50% за все необходимые мне вещи.

Странная
политика
государств

Государства ведут поистине странную политику. Продавец пользуется у них симпатиями; он получает от них все милости и щедроты; а на покупателя они взваливают свой гнев, они преследуют его самыми строгими гонениями. Отчего же, ради бога? Разве покупатель не такой же гражданин, как и продавец? Разве и тот и другой не должны пользоваться одинаковыми правами? Если я желаю иметь ковер, который иностранец может купить за 300 фр., то почему я должен заплатить за него 600? Отчего такая привилегия оказывается иностранцу? Казалось бы, напротив, правительство должно желать больше блага своим, чем чужим. Если бы оно приняло все зависящие от него меры, для того чтобы иностранцу пришлось заплатить за ковер 600 фр., а мне — 300, то это было бы логично, но не наоборот. Мне говорят, что я должен отдать эту разницу для того, чтобы процветала фабрика отечественного производителя ковров. Но почему я менее интересный гражданин для

моего правительства, чем этот фабрикант? Отчего отнимают у меня для пользы его мое гражданское равноправие, т.е. возможность приобретать наибольшее благосостояние с наименьшим трудом? Какую выгоду находит мое правительство покровительствовать больше ковровой фабрикации, чем мне?

**Вопрос
гражданского
равноправия**

Вообще последствие протекционизма сводится к тому, что я должен, например, заплатить 20 000 руб. за такие предметы, которые иностранец может иметь за 12 000. *Если бы конфисковали у меня эту разницу — 8000 руб., то результат был бы тот же самый.*

Но в этом факте кроме несправедливости проявляется и удивительное заблуждение. Продавцы и покупатели не только одинаково полноправные граждане, заслуживающие, следовательно, одинакового покровительства, но они даже одни и те же лица. Нет положительно никакой возможности быть производителем, не будучи в то же время потребителем. Для того чтобы продавать сукно, надо покупать шерсть, краски, уголь, масло, машины и пр., и пр. Кроме того, надо покупать пищу, платье, всю домашнюю обстановку и пр. Никакая продажа сукна невозможна без этих покупок. Кто откроет производителя, который бы ничего не покупал, будет поистине гениальным экономистом. Странно! Правительства покровительствуют одной части нашей деятельности и преследуют другую. Они поощряют продажу, но затрудняют покупку, как будто одно возможно без другого. Представьте себе доктора, который давал бы в одно и то же время возбуждающее и успокаивающее лекарства. Эти два противоположные средства, очевидно, внесут только расстройство в организм и породят болезнь. Так и протекционизм: глубоко расстраивая действие экономических сил, он останавливает развитие богатства и уменьшает силу общественного организма.

**Продавцы
и покупатели —
одни и те
же лица**

Теперь я позволю себе задать еще один вопрос. Почему правительства не облагают товары вывозными пошлинами? Почему они не только не запрещают продавать товар скорее иностранцу, чем соотечественнику, но, наоборот, принимают все зависящие от них меры для того, чтобы его можно было продать по самой высокой цене,

безразлично, кому угодно? Почему так? Ответ на это ясен. Потому что правительства понимают прекрасно, что, действуя иначе, они отняли бы у подданных плоды их трудов, что соответствовало бы конфискации части их имущества. Правительства же существуют именно для совершения противоположной цели, а именно для того, чтобы ограждать право собственности всех граждан. Надо признать, что для той части операции обмена, которая называется продажей, все современные цивилизованные правительства исполняют свои обязанности самым совершенным образом. Но, увы, совсем не то происходит по отношению к другой части той же операции, называемой покупкой. Эту последнюю правительства окружают всевозможными затруднениями и препятствиями. Но если правительства не считают себя вправе заставить *продавать* продукты скорее соотечественнику, чем иностранцу, то почему они считают себя вправе заставить *покупать* продукты скорее у соотечественника, чем у иностранца? Если заставляют заплатить за какое-нибудь платье 25 руб. вместо 20, то разве это справедливее, чем если бы заставили продавать товар за 80 коп. вместо рубля. Если бы была предоставлена такая же свобода в покупке, как и в продаже, то каждый мог бы получить наибольшую выгоду с наименьшей затратой труда. Право собственности объемлет в одинаковой степени как способность продажи, так и способность покупки. Если закон дает право известному лицу продавать дома, но не дает права их покупать, то он тем самым отрицает за этим лицом гражданское равноправие. Правительства обеспечивают вполне право продажи, но благодаря таможенным пошлинам они крайне стесняют право покупки, стало быть, ограничивают в известной мере права всех покупателей, порождая для них некоторое *diminutio caritatis*, как говорят в римском праве, т.е. что-то вроде экономической зависимости. Но так как каждый гражданин в одно время и покупатель, и продавец, то правительства в одно и то же время и покровительствуют ему, и преследуют его. Эти действия, исключаящие друг друга, могут влиять только отрицательно на общественный строй, создавая беспорядок в экономике, т.е. такой порядок вещей,

Функция
правительства

Смысл права
собственности

Протекционизм
и экономический
рост

при котором народное богатство растет с наименьшей скоростью.

Наши протекционисты никогда не жалеют, что мы продаем свои продукты иностранцам; напротив, они желали бы, чтобы мы им продавали не только земледельческие продукты, но и мануфактурные изделия. Однако им никогда не приходила в голову одна простая вещь. Если теперь англичане покупают у нас хлеб, то это потому, что нам или другим народам они могут продать продукты своей промышленности или произведения своей страны. Если бы они не могли предложить нам что-либо взамен нашего хлеба, то мы, конечно, не были бы настолько глупы, чтобы отдавать его им даром. Если бы, однако, все народы желали только продавать и ни один из них не желал покупать (это составляет идеал так называемого выгодного торгового баланса), то что было бы тогда? В действительности продажа и покупка — одна и та же операция. Желать производить одну без другой — это такой же абсурд, как искать площадь с одним измерением.

ГЛАВА II ПОСЛЕДСТВИЯ ПРОТЕКЦИОНИЗМА ДЛЯ ГРАЖДАН

Если бы завтра на квартиры ввели налог в 100% их стоимости, то помещение, обходящееся теперь в 300 руб., обходилось бы в 600, а обходящееся в 1000 руб. — в 2000. Понятно, что очень многие семейные бюджеты не могли бы вынести такого повышения, ибо каждый отдает на квартиру почти максимум того, что он может издержать на эту потребность. При установлении налога пришлось бы лицам, занимавшим раньше квартиру в 300 руб., нанять другую, поскромнее, за 150 руб., а лицам, занимавшим квартиру в 3000 руб., нанять новую за 15 000, чтобы таким образом платить все-таки такую сумму, как и прежде. Понятно, что при этом значительно уменьшилось бы благосостояние всех тех лиц, которым невозможно было бы уделить на квартиру сумму вдвое больше платимой раньше.

Таможенные пошлины производят такие же последствия, как этот квартирный налог. Можно, например, купить за границей хороший ковер в 100 квадратных аршин за 300 руб. Таможня берет с него 200¹. Тот, кто не имеет возможности употребить на покупку ковров более 1000 руб., покрывал бы, при отсутствии пошлин, три комнаты коврами на эту сумму, а теперь он может покрыть только две. Таким образом, удобства его в этом отношении уменьшены на третью часть. Но говорят, что высокими таможенными пошлинами обложены только предметы роскоши, что лицо, имевшее возможность заплатить 900 руб. за три ковра, имеет возможность заплатить и 1500. Положим, что так. Но все-таки не подлежит сомнению, что если бы

Последствия
таможенных
пошлин

¹ Это размер обложения ковров по ныне действующему тарифу.

ковры стоили только 900 руб., это лицо могло бы употребить остальные 600, которые оно способно еще издержать, на приобретение других вещей. Во всяком случае его комфорт был бы больше.

Но само положение, что только предметы роскоши обложены высокой пошлиной, положительно неверно. Во многих государствах предметы первой необходимости не только обложены весьма чувствительной пошлиной, но иногда были запрещаемы к привозу.

Пошлины
на предметы
первой
необходимости

С 1821 по 1853 г. во Франции существовала пошлина в 53 фр. с головы крупного рогатого скота. «Французские мужики ели мясо только шесть раз в году. В городах, где потребление мяса было больше, даже семейства из среднего сословия покупали мясо не более как один или два раза в неделю»¹. В 1840 г. потребление мяса сократилось в Париже на 31% по сравнению с 1812 г.² До 1860 г. ввоз иностранной шерсти был обложен очень высокой пошлиной, а ввоз иностранных шерстяных материй был совершенно воспрещен. Результатом такой политики было то, что в то время из 36 млн французов 20 млн никогда не носили шерстяных материй³. В Германии в последнее время «благодаря пошлинам на хлеб цены пшеницы возросли с 15 марок за центнер до 19 марок; цена ржи и ячменя — с 13 до 17. Также невыгодно отразилось и ограничение импорта мясных продуктов. Цена свинины выросла с 120 пфеннигов за килограмм до 143 пф., цена говядины — с 115 до 122, сала — с 159 до 187 пф. и т.д. Нечего и говорить, что такое значительное повышение цен на жизненно необходимые продукты тяжело отражается на народном благосостоянии»⁴. У нас, наконец, чай обложен пошлиной в полтора и три раза выше стоимости самого продукта, несмотря на то, что $\frac{4}{5}$ импортируемого чая потребляет бедный класс нашего населения. Сахар обложен в 200% стоимости. Пошлины увеличивают стоимость чугуна на 50%, а железа

¹ См.: *Amé*. Etude sur les tarifs de douanes. Т. 2. Р. 454.

² *Ibid.* Т. I. Р. 205.

³ *Ibid.* Т. II. Р. 460.

⁴ «Новости» от 16 января 1890 г.

и стали — почти на 100%. Однако это самые необходимые материалы для всякого фабричного производства.

Из этого видно, что пошлинами облагаются не одни предметы роскоши.

Но, кроме того, возникает вопрос: можно ли точно определить границы, где кончается роскошь и где начинается понятие о предметах первой необходимости? Еще недавно масса людей ходили у нас босиком. Можно ли утверждать, что пара сапог — предмет роскоши? Сколько у нас в деревнях еще курных изб. Можно ли сказать, что печь с трубой есть роскошь? Словом, все новые приобретения человеческой цивилизации в свое время считались предметами роскоши: это однако не мешало им сделаться мало-помалу предметами первой необходимости. Наконец, взгляды бывают различны. Например, наш тариф считает шелковые материи предметом роскоши и облагает их большой пошлиной. Но средний класс в России рассуждает иначе. Нет мелкого чиновника, бедного офицера или приказчика, жена которого не считала бы необходимым, при известных условиях, облечься в шелковое платье. Муж разоряется, делает долги, но вместе с тем сознает необходимость жертвы ввиду требований общественного приличия. Какое громадное облегчение ощутил бы этот класс людей в России, если бы у нас шелковые материи стоили так же дешево, как во Франции!

Зеркальные стекла считаются у нас как бы олицетворением роскоши. Так, зеркало в 4 арш. длины и $2\frac{1}{2}$ арш. ширины, которое с доставкой в Россию стоит 338 фр., обложено пошлиной в 158 руб. золотом, или 632 фр. Русскому потребителю оно обходится, следовательно, в 970 фр., тогда как французскому только в 300, т.е. втрое дешевле. Зеркальные стекла такой величины служат главным образом для окон магазинов. Эти-то стекла составляют одно из больших украшений западноевропейских городов. Сам лавочник не пользуется прелестью этих стекол, ибо он почти никогда на них не смотрит; стеклами пользуется вся проходящая по улице публика, большинство которой — люди небогатые. Этим примером я хотел пояснить одно существенное обстоятельство. Господа протекционисты совершенно

О границах
«роскоши»

**О частной
и общественной
роскоши**

упускают из виду, что роскошь бывает частная и общественная. Общественная роскошь имеет громадное значение, потому что она служит главным источником наслаждений всех граждан — как богатых, так и бедных. Житель Парижа с ежегодным доходом в 1000 руб. имеет несравненно больше наслаждений, чем житель Курска с доходом в несколько миллионов. Первый может прогуливаться по таким чудным паркам, как Елисейские поля и Булонский лес; за 1 фр. он может пользоваться всеми прелестями нового оперного театра, который стоил 55 млн фр. А житель Курска, как бы он ни был богат, не может устроить себе ни Елисейских полей, ни громадного театра.

Прогресс

Общественная роскошь служит осязательным признаком прогресса, с поступательным движением которого общественная роскошь все увеличивается и делается достоянием все большего и большего количества людей¹.

Пошлины взимаются с предметов одинаково, предназначены ли они для частного или для общественного пользования. Протекционисты, следовательно, неправы, говоря, что пошлины касаются только богатых; напротив, они в большей мере касаются бедных. Если богатый живет в нищенской общественной среде, если все, что он видит на улице, отвратительно и гадко, то он находит утешение по крайней мере в своей собственной обстановке; бедный же этого утешения не имеет, и вот почему общественная роскошь для него важнее, чем для богатого.

**Роскошь
как цель**

Гонение на роскошь служит уже давно темой для разных риторских упражнений. Но в жизни мы видим совсем другое. Роскошь есть цель, к которой все люди стремятся с неудержимой силой. Каждый человек отдельно и в смысле собирательном ежеминутно думает о том, как бы воспользоваться дешевле всеми новейшими изобретениями, вносящими в жизнь комфорт, как бы создать себе обстановку самую изящную, т.е. самую роскошную. Но я согласен сделать уступку господам протекционистам. Допускаю, что некоторые предметы роскоши служат для наслаждений,

¹ В беднейшей части Лондона построен недавно настоящий дворец, предназначенный под клуб для простых рабочих.

без которых можно обойтись. Но разве наслаждение есть великий грех? Разве мы должны смотреть на жизнь, как на каторгу? Все люди стремятся к удовольствию, к наслаждению, т.е. к счастью. Да не только люди, но и все живые существа. Решимся, наконец, создать политическую экономию, согласную с законами природы, политическую экономию, которая, вместо того чтобы противодействовать естественному стремлению всякого живого существа, положила бы это стремление в основание всех своих выводов.

Лишение есть страдание. Чем дороже вещи, которые желательны и полезны для человека, тем меньше будет лиц, обреченных на страдание. Причинять *искусственно* страдания гражданам, очевидно, не может быть задачей государства. Увы! на этом свете немало страданий неизбежных и роковых. Искусственно увеличивать их число — вряд ли согласуется с великими принципами уважения и любви к человечеству, лежащими в основании европейской цивилизации.

Промышленник день и ночь думает, как бы произвести самый лучший продукт за самую дешевую цену. Он напрягает всю силу своего ума и иногда даже гения; он постоянно следит за наукой и немедленно применяет ее последние открытия; он изобретает новые машины и новые способы обработки — и вот, когда желанная цель достигнута, когда промышленник действительно может выпустить на рынок прекрасные продукты по дешевой цене, является таможня! Она сразу обращает в нуль все затраченные силы ума. Своим обложением возвышая цену продукта, она безжалостно отодвигает его в отжившую пору: этому продукту она возвращает очень часто не только ту цену, которую он имел до последних механических усовершенствований, но даже иногда сравнивает с ценой продуктов, относящихся ко времени до изобретения паровых двигателей¹.

Чем выше уровень частной и общественной роскоши, тем выше общество стоит на ступени социального развития. Роскошь и цивилизация — два тождественных понятия, как варварство и нищета. Искусственно увеличивать ценность предметов роскоши — значит противодействовать

Цели
промышленников

Роскошь
и цивилизация

¹ Так, например, пошлина на джутовые мешки удвоила их стоимость.

цивилизации и покровительствовать варварству. Трудно допустить, чтобы в этом состояла задача государства.

Примеры
растраты
экономических
сил народов

По законодательству Кромвеля, с товаров, привозимых в Англию на иностранных судах, взималась большая пошлина, чем с товаров, привозимых на английских. Когда Соединенные Штаты провозгласили свою независимость, они ввели у себя тот же закон. Тогда английские суда стали ходить в Америку и американские в Англию с балластом. Обе нации благодаря своему нелепому законодательству теряли выгоды перевозки обратных грузов. Это самый лучший пример еще одного зла, порождаемого протекционизмом, а именно: напрасной растраты экономических сил народов.

...в США
и Англии

...в России

Иностранные пароходы перевозят соль из Евпатории в Петербург за 8 коп. с пуда. Таковую же плату берут иногда наши каботажники, чтобы перевезти ее в Одессу, т.е. на расстояние в 33 раза меньшее¹. Без покровительства, оказываемого нашему каботажу, фрахт из Одессы до Евпатории не превышал, быть может, 1 коп. на пуд. Благодаря своей привилегии наши каботажники берут, стало быть, фрахт на 800% выше нормального. Если бы тем не менее наши суда могли удовлетворить всем потребностям торговли, то разница во фрахте составляла бы только прямое зло для отправителей груза. Но они решительно не в состоянии этого сделать, и их привилегия причиняет косвенное зло, во сто раз большее. Раз нет возможности перевезти продукт по выгодной цене, его не обрабатывают. Неистощимые богатства остаются в недрах земли совершенно непроизводительно. Целые области, где работа могла бы кипеть, где жизнь могла бы бить ключом, остаются пустынными и бедными благодаря только монополии господ каботажников.

Этот частный пример служит характеристикой всей системы протекционизма. Он делает растрату экономических сил постоянным явлением; словом, уменьшая потребление,

¹ Из Евпатории в Одессу 143 мили; из Евпатории до Петербурга около 4600. Так, в 1888 г. брали из Никополя до Одессы по 14 коп. с пуда. Понятно, что уголь, например, не может выдержать такого высокого фрахта. Поэтому донецкий уголь не перевозился в Одессу по этой дороге, хотя она самая короткая.

он порождает бедность прямо, уменьшая производство богатства — косвенно¹.

Если бы пища и одежда давались нам даром, как воздух, то человек, конечно, не перестал бы работать, ибо кроме этих потребностей у него есть и много других (их бесконечное множество). Но раз материальные потребности были бы удовлетворены без труда, человек работал бы больше для достижения духовных благ. Протекционизм, искусственно увеличивая цены на все предметы, заставляет человека спускаться на более низкую ступень культуры.

Кажется, трудно доказать, что, чем больше ставить преград торговле, тем больше она будет развиваться². Если промышленность в наше время все-таки идет вперед, то не *благодаря, а вопреки* протекционизму. В человечестве есть столько могущества, что никакие ошибки в законодательстве не способны совершенно уничтожить его жизненность. Но трудно себе представить, что будет, когда все преграды будут сняты. С какой неудержимой силой человечество пойдет тогда вперед!

¹ В подтверждение привожу здесь слова одного французского писателя. «Наполеон I, — говорит г-н Клеман, — как известно, наложил большие пошлины на все иностранные сырые продукты. Так, цена хлопка достигла тогда во Франции 800 фр. за 100 кг. Этим Наполеон надеялся поощрить разведение его в Неаполитанском королевстве. Необычайная дороговизна, которая была последствием этой меры в эпоху, когда капиталов было мало и кредита не существовало почти вовсе, породила тяжкие промышленные кризисы, столь же вредные для потребителей, сколько и для рабочих. Рабочие, платившие несравненно больше, чем прежде, за многие продукты, тогда как доходы их оставались без изменения, очень скоро заметили, что континентальная система самым пагубным образом действовала на их благосостояние». См.: *Clément. Histoire du système protecteur en France. Paris, 1854. P. 108.*

² Очень часто приводят пример Северо-Американских Штатов, как доказательство, что богатство сильно развивается при охранительной системе. Но в этом случае забывают весьма важное обстоятельство. Если американцы затрудняют привоз иностранных товаров, то они всеми силами поощряли до сих пор прилив иностранных рабочих сил и капиталов (в 1881 г. эмиграция в Соединенных Штатах достигла почти 800 000 чел.) Вместо того, чтобы привозить иностранные товары, американцы привозят рабочих и капиталы для производства их у себя дома. В сущности, это почти то же самое. Соединенные Штаты практикуют косвенным образом свободную торговлю. Мы же, русские, затрудняем привоз как иностранных товаров, так и рабочих и капиталов. Понятно, что мы богатеем очень медленно.

**Особенность
американского
протекционизма**

ГЛАВА III ПОСЛЕДСТВИЯ ПРОТЕКЦИОНИЗМА ДЛЯ ГОСУДАРСТВА

Многие воображают, что наши возвышенные пошлины на иностранные произведения приносят большой доход казне. Многие думают, что эта сумма столь значительна, что без нее трудно уравновесить нашу государственную роспись. Как бы ни были разорительны эти пошлины для граждан, раз они нужны для потребностей государственных финансов, то, конечно, нужно нести их, повинуюсь суровой необходимости. Но, чтобы убедиться в ошибочности этого мнения, стоит бросить самый беглый взгляд на «Обзор внешней торговли России», издаваемый ежегодно департаментом таможенный сборов.

Мнение: пошлины нужны для сбалансированности бюджета

Доходы таможи делятся у нас на четыре отдела, которые в 1886 и 1887 г. дали следующие суммы.

	В 1886 г., руб. мет.	В 1887 г., руб. мет.
Жизненные припасы	36 199 778	29 995 241
Сырые и полуобработанные материалы	21 357 906	22 686 372
Животные	12 129	13 789
Изделия фабричные и заводские	13 503 650	11 668 995
Итого	71 073 649	64 364 397 ¹

¹ Или 106 610 464 и 107 488 543 руб. кред., из которых надо выключить около 10 600 000 издержек взимания (таможенное ведомство, пограничная стража и проч.).